Глава XII

Выводы и пояснения

«Моя обширная и величавая столица, моя Дайту[1], великолепно украшенная;
И ты, прохладный летний дом, мой Шанду-Кейбунг[2], восхитительный…
Увы, мое прославленное имя Владыки Мира!
Увы, мою Дайту святую, творенье славное бессмертного Хубилая!
Всё, всё утратил я!». – Полковник Юль в книге *Марко Поло*[3].

«Относительно слышанного тобой от других, убеждающих массы, что душа, однажды освобожденная от тела, не страдает… от зла и бессознательна, я знаю, что ты слишком хорошо сведущ в учениях, полученных нами от наших предков, и в священных таинствах Диониса, чтобы поверить им, *ибо мистические символы хорошо знакомы нам, принадлежащим к "Братству"».* – Плутарх[4].

«Проблема жизни – *человек*. **Магия** или, вернее, Мудрость есть развитое знание сил внутреннего существа человека, – эти силы являются Божественными Эманациями, – так как интуиция есть восприятие их начала, и посвящение – наше введение в это знание… Мы начинаем с инстинкта, кончаем – **всезнанием**». – А.Уайлдер.

«Власть принадлежит тому, **кто знает**»[5]. –
Брахманическая Книга вызываний.

Предположение, что до сих пор по этой книге за нами следовал еще кто-либо, за исключением метафизиков или мистиков определенного рода, было бы свидетельством плохого предвидения с нашей стороны. В противном случае мы определенно посоветовали бы им не утруждать себя чтением этой главы, ибо, хотя в ней и не сказано ничего, что не соответствовало бы строгой истине, они не преминут посчитать даже наименее чудесное из повествований абсолютно ложным, какими бы доказательствами оно ни подкреплялось.

Чтобы понять принципы естественных законов, причастных к некоторым из описанных ниже феноменов, читатель должен держать в уме основные положения восточной философии, которые мы последовательно раскрывали. Давайте очень кратко повторим:

1. Чудес нет. Всё, что происходит, есть результат закона – вечного, нерушимого, всегда действующего. Кажущееся чудом есть только работа сил, противодействующих тому, что доктор У.Б.Карпентер, член Королевского общества, – человек большой учености, но малых познаний – называет «хорошо известными законами природы»[6]. Подобно многим из его класса, доктор Карпентер игнорирует тот факт, что могут быть законы, когда-то «известные», теперь неизвестные науке.

2. Природа триедина: существует видимая, объективная природа; невидимая, заключенная внутри, сообщающая энергию природа, точная модель первой и ее Жизненный Принцип; и над

---

[1] Пекин.

[2] Шанду́ – летняя столица династии Юань, расположен во Внутренней Монголии.

[3] Стенания Тогон-Тэмура (1320–1370), последнего императора монгольской империи Юань, частью которой был Китай. При нем в 1368 г. монголы были изгнаны из Китая, где была провозглашена новая династия Мин.

См.: Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfaßt von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus anderen unedirten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jacob Schmidt. St. Petersburg, Leipzig, 1829. S. 137.

Цит. по: The Book of Ser Marco Polo, the Venetian: Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. Newly translated and Edited, with Notes, Maps and Other Illustrations by Colonel Henry Yule. Vol. I. London, 1875. P. 296.

[4] См.: «Ты и от других слышишь убедительные для многих речи, что покойник недоступен ничему дурному и огорчительному. Знаю, что тебе препятствует верить этому отеческое предание, а также символы дионисических таинств, которым причастны мы, посвященные» (*Плутарх.* Слово утешения к жене, 10).

Цит. по: *Knight R.P.* The Symbolical Language of Ancient Art and Mythology: An Inquiry. New York, 1876. P. 119.

[5] *Jacolliot L.* Le spiritisme dans le monde: l'initiation et les sciences occultes dans l'Inde et chez tous les peuples de l'antiquité. Paris, 1875. P. 221.

[6] *Carpenter W.B.* Mesmerism, Spiritualism, &c, Historically & Scientifically Considered. London, 1877. P. VII (*Карпентер У.Б.* Месмеризм, спиритуализм и т.д., исторически и научно рассмотренные. Лондон, 1877. С. VII).

этими двумя – *Дух*, Источник всех сил, Единый, Вечный и Неразрушимый. Двое низших постоянно изменяются; третий, Высший, неизменен.

3. Человек также триедин: он состоит из объективного, физического тела; животворящего астрального тела (или души), действительного человека; и витающего над этими двумя и озаряющего их третьего – Повелителя, Бессмертного Духа. Когда действительному человеку удается слиться с последним, – он становится Бессмертной Сущностью.

4. Магия как наука представляет собой знание этих принципов и способа, посредством которого всезнание и всемогущество Духа и его власть над силами природы могут быть приобретены человеком, пока Дух находится в теле. Магия как искусство есть применение этого знания на практике.

5. Злоупотребление сокровенным знанием есть колдовство; применение во благо – истинная магия, или **Мудрость**.

6. Медиумизм есть противоположность адептства. Медиум – пассивный инструмент чужих воздействий; адепт активно управляет самим собой и всеми ниже его стоящими силами.

7. Поскольку всё, что когда-либо было, есть или будет, оставляет свой отпечаток на Астральном Свете, или скрижали Невидимой Вселенной, то посвященный адепт, пользуясь зрением своего Духа, может узнать всё, что когда-либо было известно или может стать известным.

8. Человеческие расы различаются по духовной одаренности так же, как по цвету кожи, росту или по каким-либо иным внешним качествам; среди некоторых народов от природы преобладает дар провидения, среди других – медиумизм. Некоторые увлекаются колдовством и передают тайные правила его практического применения от поколения к поколению, вместе с бóльшим или меньшим диапазоном психических феноменов в качестве результата.

9. Одной из фаз магического искусства является добровольное и сознательное выделение внутреннего человека (астральной формы) из внешнего человека (физического тела). Это выделение происходит и у некоторых медиумов, но оно бессознательно и непроизвольно. В таких случаях тело более или менее каталептично, но у адепта отсутствие его астральной формы будет незаметным, ибо физические чувства бодрствуют и личность его будет казаться только как бы отвлекшейся – «погруженной в размышления», как некоторые называют это.

Ни время, ни пространство не являются препятствиями странствующей астральной форме. Тавматург, в совершенстве знающий оккультную науку, может заставить себя (то есть свое физическое тело) *казаться* исчезнувшим или на вид принять любую форму, какую захочет. Он может сделать свою астральную форму видимой или придать ей многообразную внешность. В обоих случаях результаты достигаются путем месмерической галлюцинации, вызванной одновременно в чувствах всех свидетелей. Эта галлюцинация настолько совершенна, что увидевший ее будет биться об заклад на свою жизнь, что он видел реальность, тогда как это лишь картина в его собственном уме, отпечатанная на его сознании неодолимой волей месмеризатора.

Но в то время как астральная форма может идти куда угодно, проникать через любое препятствие и быть видимой на любом расстоянии от своего физического тела, – последнее зависит от обычных методов передвижения. Его можно поднять в воздух при наличии предписанных магнетических условий, но оно не может быть перенесено из одной местности в другую иначе, как только обычным путем. Вот почему мы не верим рассказам о воздушных полетах медиумов в физическом теле, так как это было бы чудом, а чудес мы не признаем. Инертная материя в некоторых случаях и при некоторых условиях может быть дезинтегрирована, послана через стены и снова восстановлена, но с живыми животными организмами это невозможно.

Последователи Сведенборга верят, и сокровенная наука учит, что душа часто покидает живое тело и что мы каждый день сталкиваемся во всех жизненных обстоятельствах с такими живыми трупами. Это может быть вызвано различными причинами, такими, как неодолимый страх, печаль, отчаяние, очень сильный приступ болезни, чрезвычайное сладострастие. В покинутую оболочку могут войти и поселиться там или астральная форма искусного колдуна, или элементарий (привязанная к земле развоплощенная человеческая душа), или, очень редко, элементал. Разумеется, адепт белой магии обладает такой же властью, но если только этого не потребует какая-либо чрезвычайно исключительная и великая цель, он никогда не согласится

осквернить себя вселением в тело нечистого человека. При умопомешательстве астральная сущность пациента либо полупарализована, сбита с толку и подчиняется влиянию каждого проходящего духа любого сорта, либо она навсегда покинула тело и им завладело какое-нибудь вампирическое существо, близкое к разложению и отчаянно цепляющееся за землю, чувственными удовольствиями которой она, благодаря этой уловке, может еще наслаждаться на короткое время.

10. Краеугольным камнем **магии** является подробное практическое знание магнетизма и электричества, их качеств, соотношений и потенций. Особенно необходимо знакомство с их действием на животное царство и человека. Во многих других минералах существуют оккультные свойства, не менее странные, чем свойства магнита, о которых все практикующие магию *обязаны* знать и о которых так называемая точная наука ничего не знает. Растения также в весьма удивительной степени обладают подобными же свойствами, и тайны трав, сновидений и очарований утеряны только для европейской науки и, не стоит это говорить, также неизвестны ей, кроме как в нескольких явных случаях, таких как опиум и гашиш. Все же психические эффекты даже этих немногих на систему человеческого организма рассматриваются как доказательство временного ментального расстройства. Женщины Фессалии и Эпира, женщины-иерофанты ритуалов Сабазия с падением их святилищ не унесли с собой их тайны. Они до сих пор сохраняются, и те, кто знает о природе сомы, также знает свойства и других растений.

Суммируя всё в нескольких словах – **магия** есть Духовная **Мудрость**; природа – материальный союзник, ученик и слуга мага. Один общий Жизненный Принцип насыщает всё, и он управляем усовершенствованной человеческой волей. Адепт может стимулировать движения природных сил в растениях и животных до сверхъестественной степени. Такие эксперименты являются не противодействиями природе, но лишь ускорениями; создаются условия для более интенсивной жизнедеятельности.

Адепт может управлять чувствами и изменять состояние физических и астральных тел других личностей, не являющихся адептами; он может также управлять и пользоваться по своему усмотрению духами стихий. Но он не может повелевать Бессмертным Духом какого-либо человеческого существа, живого или мертвого, ибо все такие Духи – одинаковые Искры Божественной Сущности и никакой внешней власти не подчинены.

Существуют два вида провидчества: душевное и духовное. Провидчество древних пифий или современных месмеризованных субъектов различается только искусственными способами, принятыми для вызывания состояния ясновидения. Но раз видения тех и других зависят от большей или меньшей остроты чувств астрального тела, то они в огромной степени отличаются от совершенного всезнающего духовного состояния, так как в лучшем случае субъект может получить только проблески истины через ту завесу, которую выставляет физическая природа. Астральный Принцип, или ум, называемый индийскими йогами *дживатманом*[7], есть чувственная душа, неотделимая от нашего физического мозга, который она держит в подчинении и который, в свою очередь, равно мешает ей. Это – *эго,* рассудочный Жизненный Принцип человека, его сознательная сущность. Пока она всё еще находится *внутри* материального тела, ясность и правильность ее духовных видений зависит от ее более или менее тесной связи с ее Высшим Принципом. Когда эта связь позволяет более эфирным частицам душевной сущности действовать независимо от ее более грубых частиц и мозга, – она безошибочно понимает то, что она видит, и только тогда она является чистой, разумной, *сверх*чувственной душой. Это состояние известно в Индии под названием *самадхи*; это есть высочайшее состояние духовности, доступное человеку на земле. Факиры стараются достичь такого состояния, часами задерживая дыхание во время своих религиозных упражнений и называют это занятие *дама-садханой*[8]. Индусские термины –

[7] В философии вишнуизма кроме трех видов Атмана, двух не истинных и одного истинного, также признается существование четвертой сущности – дживатмана, или индивидуальной души. Дживатман в вишнуизме обладает вечным бытием, не выступает как полностью тождественный Параматману, а рассматривается как его часть. Сам же Параматма отождествляется с личностным Богом. Таким образом, между дживатманом и Параматманом вишнуизма существует вечное различие.

[8] Дама – контроль эмоций, са́дхана – санскритский термин, которым в индуизме и буддизме называют духовную практику и который также можно перевести как «средство для достижения чего-то». Садхана включает в

пранаяма[9], *пратьяхара*[10] и *дхарана*[11] относятся к различным психологическим состояниям и показывают, насколько более санскрит и даже современный индусский язык приспособлены к ясному определению феноменов, с которыми встречаются изучающие эту отрасль психологической науки, чем языки современных народов, чей опыт еще не потребовал изобретения таких описательных терминов.

Когда тело находится в состоянии *дхараны* – полной каталепсии физической оболочки, – душа ясновидящего может освободиться и воспринимать явления субъективно. И все же, так как чувственный принцип мозга жив и активен, эти картины прошлого, настоящего и будущего будут окрашены земными восприятиями объективного мира. Физическая *память* и *фантазия* будут мешать ясному видению. Но провидец-адепт знает, как приостановить механическое действие мозга. Его видения будут так же чисты, как сама истина, неокрашены и неискажены, тогда как ясновидящий, неспособный управлять вибрациями астральных волн через посредство мозга, воспримет только более или менее искаженные изображения. Провидец никогда не примет мелькающие тени за реальности, и так как его память столь же полно подчинена его воле, как и остальное тело, – он воспринимает впечатления непосредственно от своего Духа. Между его субъективным и объективным «я» нет препятствующих посредников. Это есть настоящее духовное провидение, в котором, по выражению Платона, душа поднимается над всем меньшим благом. Когда мы достигаем «того, что выше всего, что *просто, чисто и неизменно, без формы, цвета или человеческих свойств*: Бога – *нашего Нуса*»[12].

Именно это состояние такие провидцы, как Плотин и Аполлоний Тианский, называли «единением с Божеством», которое древние йоги называли *ишварой*[13], а современные называют

себя ряд духовных дисциплин различных индуистских и буддийских традиций. Садхане следуют ради достижения разных духовных и ритуальных целей, ради духовного очищения и прогресса в духовной жизни. Целями садханы могут быть достижение духовного просветления, чистая любовь к Богу, освобождение из цикла сансары, обретение благословения какого-либо божества или формы Бога.

[9] Праная́ма (*санскр.* Prāṇāyāma, букв. «контроль или остановка дыхания») – управление праной (жизненной энергией) с помощью дыхательных упражнений в йоге.

[10] Пратьяхара (*санскр.* pratyāhāra, букв. «отбрасывание, отрешение») – техника отвлечения чувств от объектов, на которые они обычно направлены.

[11] Дха́рана (*санскр.* dhāraṇā удержание) – шестая из восьми частей йоги Патанджали, изложенной в «Йога-сутрах». Этот термин родственен глагольному корню *дхри* – «держать», «нести», «поддерживать». Дхарана – это длительная концентрация внимания на каком-либо объекте. Длительная глубокая концентрация естественным образом ведет к состоянию созерцания – дхьяне. Дхарана является неотъемлемой ступенью практики перед дхьяной и самадхи, все три ступени называются самьямой.

[12] См.: «Когда же она [душа] ведет исследование сама по себе, она направляется туда, где все чисто, вечно, бессмертно и неизменно, и так как она близка и сродни всему этому, то всегда оказывается вместе с ним, как только остается наедине с собою и не встречает препятствий. Здесь наступает конец ее блужданиям, и, в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным, она и сама обнаруживает те же свойства. <...> А душа, сама безвидная и удаляющаяся в места славные, чистые и безвидные – поистине в Аид, к благому и разумному Богу, куда – если Бог пожелает – вскорости предстоит отойти и моей душе, – неужели душа, чьи свойства и природу мы сейчас определили, немедленно, едва расставшись с телом, рассеивается и погибает, как судит большинство людей?» (*Платон.* Федон, 79d, 80d–e).

[13] В обычном значении *Ишвара* значит «Господь», но *ишвара* мистиков-философов Индии понимается как единение и общение людей с Божеством греческих мистиков. По-санскритски *ишвара-парасада* буквально означает *милосердие*. Обе мимансы[*], трактуя о глубоких вопросах, объясняют *карму* как заслугу или *действенность трудов*, *ишвара-парасаду*[**] – как милосердие, *шраддху*[***] – как веру. Мимансы – это труд двух наиболее прославленных теологов Индии. Пурва-миманса была написана философом Джаймини, а уттара-миманса (или веданта) – риши Двайпаяной Вьясой, который собрал вместе четыре Веды (см. труды сэра Уильяма Джонса, Колбрука и других)[****]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Праса́да, праса́д, праса́дам, прашад (*санскр.* prasāda, букв. «божественная милость», «божественный дар») – в индуизме в широком смысле подношение божеству (мурти) в храме или в домашних условиях, а также та часть подношения в виде пищи, которая затем распространяется среди верующих как священный дар или божественное благословение.

[**] Миманса, известная кроме того как пурва-миманса («первое исследование», также карма-миманса), является школой, контрастирующей с ведантой, или уттара-мимансой («последующее изучение», также брахма-миманса). Это подразделение основано на понятии о дихотомии ведийских текстов, где разграничиваются карма-канда, раздел Вед, в котором рассматриваются жертвенные обряды (Брахма-Самхита), и джняна-канда, раздел, в котором описывается контакт со знанием Брахмана (Упанишады).

«самадхи», но это состояние настолько же выше современного ясновидения, насколько звезды выше червей-светляков. Как известно. Плотин был ясновидящим-провидцем на протяжении всей своей каждодневной жизни, и все же, как он сам признался Порфирию, *он соединился со своим Богом* только шесть раз в течение шестидесяти шести лет своего существования[14].

Аммоний Саккас, «Богом обученный», утверждает, что единственной силой, непосредственно противодействующей прорицанию и смотрению в будущее, является *память*, а Олимпиодор[15] называет ее *фантазией*. «Фантазия, – говорит он (в комментариях к *Федону* Платона), – является препятствием нашим интеллектуальным концепциям, а поэтому, когда мы взволнованы вдохновляющим влиянием Божества, если фантазия вмешается, энергия энтузиазма перестает действовать, ибо энтузиазм и экстаз противоположны друг другу. Если бы спросили, способна ли душа проявлять энергию без фантазии, мы ответим, что восприятие ею универсалий доказывает, что она способна. Она обладает восприятиями и поэтому независима от фантазии; в то же самое время, однако, фантазия сопутствует ей в ее энергиях, точно так же как шторм преследует того, кто пустился в морское плавание»[16].

Кроме того, медиум нуждается или в чужом уме – будь-то дух или живой месмеризатор, – чтобы подавить свои физические и ментальные органы, или же в каких-либо искусственных средствах, чтобы вызвать транс. Адепту и даже простому факиру требуется всего несколько минут «самосозерцания». Медные колонны Соломонова храма[17]; золотые колокольчики и яблоки Аарона[18]; Юпитер Капитолийский Августа, увешанный гармоничными колокольчиками[19]; медные чаши мистерий при вызываниях Коры[20] – всё это предназначалось в качестве таких вспомогательных средств[21]. Такими же были медные чаши Соломона, кругом обвешанные двойным рядом из 200 гранатов, которые служили в качестве колокольных языков внутри пустых колонн. Жрицы Северной Германии, под руководством иерофантов, не могли пророчествовать иначе, как только среди рева бурных вод. Вглядываясь пристально в малые водовороты, образующиеся в быстром течении реки, они *самогипнотизировались*. Также мы читаем об Иосифе, сыне Иакова[22], который искал божественное вдохновение с помощью своей серебряной гадательной чаши, имеющей, должно быть, блестящее дно. Жрицы Додоны располагались под древним дубом Зевса (пеласгийского, а не олимпийского бога) и прислушивались к шелесту священных листьев, тогда как другие сосредотачивали внимание на нежном журчании холодного родника, бьющего из-под его корней[23].[24] Но адепт не нуждается ни в какой подобной посторонней помощи – вполне достаточно простого применения его силы *воли*.

[***] Шраддха (*санскрит.* Çraddhâ – «доверие», «верность», «вера») – древнее индийское олицетворение веры, прославлению которого посвящен целый небольшой гимн «Ригведы» (X, 151).

[****] «В последних нескольких строках этой сноски есть значительная путаница, причину которой трудно установить. Достаточно указать, что Пурва-миманса-сутра также известна как Джаймини-сутра, а философия уттара-мимансы, или веданты, изложена главным образом в Брахма-сутрах Бадараяны и знаменитых бхашьях Шанкарачарьи или в комментариях к ним. Имя Вьясы никак не связано с Ведантой». – *Примечание Б.Цыркова.*

[14] См.: *Порфирий.* Жизнь Плотина.

[15] Олимпиодор Младший (495–570) – философ-неоплатоник, представитель Александрийской школы неоплатонизма.

[16] Select Works of Porphyry. London, 1823. P. 207.

[17] Описание создания столбов Боаз и Яхин приводится в библейской Третьей Книге Царств (7, 15–21). В Писании сообщается, что столбы Боаз и Яхин строил Хирам, «сын одной вдовы» и медника, жителя Тира (3 Цар. 7, 14).

[18] См.: «По подолу ее [ризы] сделай яблоки [или гранаты] из нитей голубого, яхонтового, пурпурового и червленого цвета, вокруг по подолу ее; позвонки [колокольчики] золотые между ними кругом: золотой позвонок и яблоко, золотой позвонок и яблоко, по подолу верхней ризы кругом; она будет на Аароне в служении, дабы слышен был от него звук, когда он будет входить во святилище пред лице Господне и когда будет выходить, чтобы ему не умереть» (Исх. 28, 33–35).

[19] Светоний «Август». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей, Божественный Август, 91.

[20] Плутарх. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[21] Плиний, XXX, 2, 14. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Плиний.* Естественная история, XXX.

[22] См.: Быт. 44.

[23] Сервий «Комментарии к “Энеиде Виргилия”», III. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Атхарваведа учит, что проявление такой силы воли является высшей формой молитвы и ее мгновенной реакцией. Желать значит реализовать пропорционально интенсивности устремления; и это, в свою очередь, измеряется внутренней чистотой.

Некоторые из этих замечательных ведантических указаний, касающихся души и мистических сил человека, недавно были предоставлены английскому журналу одним индусским ученым. «*Санкхья,* – пишет он, – утверждает, что душа (то есть астральное тело) обладает следующими способностями: сжатие до такого ничтожного размера, для которого все проницаемо; увеличение до размеров гигантского тела; приобретение легкости (поднятие по солнечному лучу до самого светила); обладание неограниченной достигаемостью органов, например, касание Луны кончиком пальца; неотразимая воля (например, погружение в землю так же легко, как в воду); властвование над всем одушевленным и неодушевленным; способность изменять ход природы; способность выполнять каждое желание». Далее он приводит их различные наименования:

«Эти способности названы: 1. *Анима*; 2. *Махима*; 3. *Лагхима*; 4. *Гарима*; 5. *Праптм*; 6. *Пракамья,* 7. *Вашитва*; 8. *Ишитва*, или божественная сила[25]. Пятая – это предсказание будущих событий, понимание чужих языков, исцеление больных, угадывание невысказанных мыслей, понимание языка сердца. Шестая – это способность старость превратить в молодость. Седьмая – это способность месмеризировать людей и зверей и делать их послушными; это способность сдерживать страсти и эмоции. Восьмая способность есть духовное состояние и подразумевает отсутствие вышеприведенных семи способностей, так как в этом состоянии йог полон Богом».

«Никаким письменным трудам, – добавляет он, – светским или священным, не позволялось быть столь авторитетными и законченными, *как учению души*. Кажется, что некоторые риши делали величайший упор на этот сверхчувственный источник знания»[26].

Со времен отдаленнейшей древности *человечество* как целое *всегда было убеждено в существовании личной духовной сущности внутри личного физического человека*. Эта внутренняя сущность была более или менее божественна в зависимости от ее близости к *венцу* – Хрестосу. Чем теснее это единение, тем безмятежнее человеческая судьба, тем менее опасны внешние обстоятельства. Это верование – ни набожность, ни суеверие, а только всегда присутствующее инстинктивное ощущение близости другого, духовного и невидимого мира, который, хотя и является субъективным для чувств внешнего человека, совершенно объективен для Внутреннего Эго. Кроме того, люди верили, что *существуют внешние и внутренние условия, влияющие на наши волевые решения в отношении наших поступков*. Они отвергали фатализм, ибо фатализм подразумевает слепое течение какой-то еще более слепой силы. Но они верили в *судьбу,* которую каждый человек с рождения до смерти ткет нить за нитью сам вокруг себя, как паук ткет свою паутину; и что эта судьба направляется или тем присутствием, которое некоторые называют Ангелом-хранителем, или же нашим, более личным, астральным внутренним человеком, который уж слишком часто становится злым гением плотского человека. Оба они ведут вперед внешнего человека, но один из них должен преобладать; и с самого начала этой невидимой борьбы суровый и неумолимый *закон возмездия* вступает в силу и неуклонно следует за всеми отклонениями. Когда соткана последняя прядь и человек как бы закутался в сеть своих собственных деяний, тогда он оказывается всецело под властью этой *самим созданной* судьбы. Она тогда или закрепляет его, подобно инертной раковине, на неподвижной скале, или, подобно перышку, уносит его в вихре, поднятом его собственными действиями.

Величайшие философы древности не находили это ни неразумным, ни странным, что «души приходили к душам и сообщали им данные о будущем, иногда письменно или одним только

См.: Commentarii in Virgilium Serviani. Vol. I. Gottingae, 1826. P. 227.

См.: «Множество медных котлов додонских* нам подарил он» (*Вергилий.* Энеида, III, 466).

* Додона – прорицалище Юпитера, где, по одной из версий предания, предсказания давались по звуку медных котлов, подвешенных к дубу.

[24] См.: *Ennemoser J.* The History of Magic. Vol. I. London, 1854. P. 378–380.

[25] Виды сиддх: уменьшение до исчезающе малых размеров (анима), увеличение тяжести тела (гарима), уменьшение веса тела (лагхима), расширение (махима).

[26] Пери Чанд Миттра «Психология ариев», «Человеческая природа» за март 1877 года. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Mittra P.C.* The Psychology of the Aryas // Human Nature, March 1877. P. 105, 108.

прикосновением или взглядом открывали им прошлые события и возвещали будущее»[27], как говорит нам Аммоний. Кроме того, Ламприй и другие верили, что если *развоплощенные* духи или души могли спускаться на землю и становиться хранителями смертных людей, «то нам не следует думать, что и *те души, которые пока еще пребывают в телах,* лишены этой силы, посредством которой первые узнают будущие события и способны провозглашать их». «Невероятно, – добавляет Ламприй, – чтобы душа после отделения от тела приобрела новую силу пророчествования, которой она до этого не обладала. Скорее мы можем прийти к выводу, *что она обладала всеми этими силами в течение ее единения с телом, хотя и в менее совершенном виде*… Ибо точно так же как солнце светит не только тогда, когда выходит из-за облаков, но всегда сияло и только казалось затянутым и затемненным испарениями, так и душа получает силу заглядывать в будущее не только тогда, когда она выходит из тела, как из-за облака, но *обладала ее всегда*, хотя и была затемнена связью с земным»[28].

Известным примером одного из аспектов проявления этой силы души, или астрального тела, является феномен так называемой духовной руки. В присутствии определенных медиумов эти как бы отделенные конечности постепенно проявляются из испускающей свет туманности, подбирают карандаш, пишут сообщения и затем растворяются перед глазами свидетелей. Много таких случаев отмечено вполне компетентными и достойными доверия лицами. Эти феномены – реальны и требуют серьезного рассмотрения. Но иногда фальшивые «призрачные руки» принимаются за настоящие. В Дрездене мы однажды видели такую руку, сделанную для обмана, с хитрым устройством из пружин, благодаря которому машина в совершенстве имитировала движения человеческой руки, тогда как заметить ее искусственность снаружи можно было лишь после тщательного осмотра. При пользовании этим устройством бесчестный медиум вытаскивает свою настоящую руку из рукава и заменяет ее механической; так обе его руки кажутся покоящимися на столе, тогда как на самом деле одна прикасается к присутствующим, показывается, стучит по мебели и производит другие феномены.

Медиумы, производящие настоящие манифестации, как правило, менее всех способны понять или объяснить их. Среди тех, кто написал наиболее разумные труды по поводу этих светящихся рук, следует отметить доктора Френсиса Джерри Фэрфилда[29], автора книги *Десять лет среди медиумов*[30], статья которого появилась в *Library Table* от 19 июля 1877 года. Будучи медиумом, он все же является убежденным противником спиритуалистической теории. Рассуждая на тему «призрачной руки», он свидетельствует, что «автор этих строк лично был свидетелем этому при соблюдении условий контроля, обеспеченного им самим, в его собственной комнате средь бела дня с медиумом, посаженным на диване на расстоянии шести или восьми футов от стола, – над ним, витая в воздухе, показался призрак (рука). Прикладывание полюсов подковообразного магнита к этой руке заставило ее заметно колебаться и привело медиума в сильные конвульсии – достаточно положительное доказательство, что *сила, участвовавшая в феномене, была порождена в его собственной нервной системе*»[31].

Вывод доктора Фэрфилда, что витающая призрачная рука есть эманация медиума, логичен и верен. Испытание подковообразным магнитом научно доказывает то, что каждый каббалист подтвердит на основании опыта не менее, чем на основании философии. «Сила, участвовавшая в феномене», есть воля медиума, бессознательно примененная к внешнему человеку, который на время полупарализован и каталептичен; призрачная рука есть выделение внутренней, или астральной, конечности человека. Это есть то настоящее «я», чьи конечности хирург не в состоянии ампутировать, которые остаются и после того, как их внешняя оболочка отрезана, и

---

[27] *Ennemoser J.* The History of Magic. Vol. I. London, 1854. P. 408.

[28] *Плутарх.* Об упадке оракулов, XXXIX.

Цит. по: *Ennemoser J.* The History of Magic. Vol. I. London, 1854. P. 408–409.

[29] Френсис Джерри Фэрфилд (1844–1887) – американский журналист.

[30] См.: *Fairfield F.G.* Ten Years with Spiritual Mediums. New York, 1875 (*Фэрфилд Ф.Дж.* Десять лет с духовными медиумами. Нью-Йорк, 1875).

[31] *Fairfield F.G.* The Clinical View of Spiritual Phenomena. [About the Book D.D.Home «Lights and Shadows of Spiritualism»] // Library Table, July 19, 1877. P. 105 (*Фэрфилд Ф.Дж.* Клинический взгляд на духовные феномены. [О книге Д.Д.Юма «Свет и тени спиритуализма»] // Library Table, 1877, 19 июля. С. 105).

(наперекор всем противоположным теориям об обнаженных или сжатых кончиках нервов) обладают всеми ощущениями, какие до этого испытывали прежние физические части. Это есть то духовное (астральное) тело, которое «восстает в нетлении»[32]. Абсурдно утверждать, что это – «руки *духов*», ибо, даже допуская, что на каждом спиритическом сеансе к медиуму привлекаются человеческие духи разных видов и что они действительно руководят и производят некоторые феномены, всё же для того, чтобы сделать руки или лица объективными, они вынуждены пользоваться либо астральными конечностями медиума, либо материалами, доставляемыми им элементалами, или же комбинированными аурическими эманациями всех присутствующих. *Чистые* духи не будут и *не могут* показываться объективно. Те, что показываются, не чистые духи, но элементарии и нечистые. Горе тому медиуму, который сделается их добычей!

Тот же самый Принцип, участвующий в бессознательном выделении призрачной конечности каталептическим медиумом, применим к выделению целого его «двойника», или астрального тела. Оно может быть выделено волей внутреннего «я» самого медиума, без сохранения в его физическом мозгу какого-либо воспоминания о подобном намерении – это одна фаза человеческой способности раздвоения. Это также может быть осуществлено элементариями и элементалами, по отношению к которым он может находиться в положении месмеризуемого субъекта. Доктор Фэрфилд прав в одном утверждении в своей книге, а именно, что медиумы обычно болезненны и во многих, если не в большинстве случаев, являются детьми или близкими медиумов. Но он целиком не прав, приписывая все психические феномены болезненным физиологическим состояниям. Адепты восточной магии все как один имеют совершенное ментальное и телесное здоровье, и, в сущности, для кого-то другого произвольное и независимое производство феноменов невозможно. Мы знали многих и никогда не видели среди них больного. Адепт удерживает полное сознание; не являет ни изменения температуры тела, ни других признаков болезненности; не нуждается ни в каких «условиях», но совершает свои подвиги где угодно и всюду; и вместо того чтобы быть пассивным и подчиняться чужим влияниям, управляет силами железной волей. Но мы уже в другом месте показали, что медиум и адепт противостоят друг другу, как два полюса. Здесь мы лишь добавим, что тело, душа и Дух адепта всецело сознательны и работают гармонично, а тело медиума представляет инертную глыбу, и даже его душа может отсутствовать и спать, пока ее обиталище занято другим.

Адепт может выделить и сделать видимой не только руку, ногу или любую часть своего тела, но и всё тело. Мы видели, как средь бела дня один из них сделал это, пока его руки и ноги держал недоверчивый друг, которому он хотел сделать сюрприз[33]. Мало-помалу всё его астральное тело просочилось наружу наподобие облака пара, пока перед нами не встали две человеческие формы, из которых вторая была точной копией первой, только чуть-чуть более призрачной.

Медиуму нет надобности применять какую-либо *силу воли*. Достаточно, чтобы он или она знали, что ожидают от него исследователи. «Духовное» существо медиума, когда оно не одержимо другими духами, будет действовать вне воли или сознания своего физического существа так же верно, как оно действует, находясь в теле во время припадка сомнамбулизма. Его восприятия, внешние и внутренние, будут острее и гораздо более развиты, точно также как у лунатиков. Вот почему «материализованная форма иногда знает больше, чем медиум»[34], ибо интеллектуальное

---

[32] 1Кор. 15, 42.

[33] Болонский (Франция) корреспондент одного английского журнала говорит, что он знает одного джентльмена, у которого ампутирована рука по самое плечо, «который уверен, что у него имеется духовная рука, которую он видит и может действительно ощущать другой рукой. Он может прикасаться к чему угодно и даже поднимать вещи этой духовной, или призрачной, рукой»[*]. Он ничего не знает о спиритуализме. Мы приводим этот случай так, как нам его сообщили, без проверки; но он только подтверждает то, что мы видели на примере восточного адепта. Этот выдающийся ученый и практикующий каббалист может по желанию выделить свою астральную руку, и этой рукой брать, передвигать и переносить предметы даже на значительные расстояния от того места, где он сидит или стоит. Мы часто видели, как он таким образом оказывает услуги своему любимому слону. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: *De Maine Browne J.* Miscellaneous Subjects // The Spiritualist, June 29, 1877 (*Де Мейн Браун Дж.* Разные темы // The Spiritualist, 1877, 29 июня).

[34] Ответ на вопрос в «Национальной ассоциации спиритуалистов», 14 мая[*] 1877 года[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Правильно: 12 мая.

восприятие астрального существа настолько же выше телесной разумности медиума в его нормальном состоянии, насколько духовное существо тоньше его самого. Обычно находят, что тело медиума холодное, пульс заметно изменился, и состояние нервной прострации следует за феноменами, ошибочно и без разбору приписываемыми развоплощенным духам, тогда как только одна треть из них может быть приписана последним, другая треть – элементалам, а остальное – астральному двойнику самого медиума.

Но в то время как мы твердо уверены, что большинство физических манифестаций, то есть тех, которые не требуют и не проявляют ни разумности, ни большого распознавания, производятся механически с помощью *Scin Lecca* (двойника) медиума, подобно тому, как человек в глубоком сне, кажущийся бодрствующим, совершает деяния, о которых не удерживают в памяти ничего, – чисто субъективные феномены лишь в очень редких случаях обязаны своим происхождением действию личного астрального тела. Большей частью они, в зависимости от нравственной, интеллектуальной и физической чистоты медиума, являются делом или элементариев, или же иногда очень чистых человеческих духов. Элементалы не имеют никакого отношения к субъективным проявлениям. В редких случаях их направляет и производит *Божественный* Дух медиума.

Как бабу Пири Чанд Митра говорит в письме[35] президенту Национальной ассоциации спиритуалистов Александру Колдеру[36], «дух есть сущность или сила и не имеет никакой формы… Сама идея формы подразумевает “материализм”. Духи (мы бы сказали, астральные души)… могут принимать формы на время, но форма не есть их постоянное состояние. Чем материальнее наши души, тем материальнее наши представления о духах».

Орфик Епименид[37] славился своим «святым и чудодейственным характером», а также тем, что его душа обладала способностью покидать свое тело *«столь долго и часто, сколь ей хотелось»*[38]. Древних философов, у которых замечена эта способность, можно перечислять дюжинами. Аполлоний Тианский оставлял свое тело в мгновение ока, но не следует забывать, что Аполлоний Тианский был адептом – «магом». Если бы он был просто медиумом, он не мог бы совершать это *по желанию*. Эмпедоклу из Акраганта, пифагорейскому тавматургу, не требовалось никаких *условий,* чтобы остановить водяной смерч, разразившийся над городом[39]. Также ему не требовалось условий, чтобы возвратить к жизни женщину, что он и сделал[40]. Аполлоний Тианский не пользовался никакими *затемненными* комнатами для совершения своих деяний по этробации. Внезапно исчезнув в воздухе перед глазами императора Домициана и целой толпы зрителей (многих тысяч), час спустя он появился в гроте Путеол[41]. Но исследование показало бы, что, сделав свое физическое тело невидимым посредством концентрации Акаши вокруг него, он мог незамеченным удалиться в какое-либо безопасное убежище по соседству и час спустя явиться в астральном теле в Путеолах к своим друзьям и казаться им самим физическим человеком.

Также Симон Волхв не более нуждался в погружении в транс перед тем, как подняться в воздух перед апостолами и толпами зрителей. «Не нужны заклинания и церемонии; образование круга и воскуривания просто чепуха и фокусничество», – говорит Парацельс. Человеческий Дух «настолько великая вещь, что никакой человек не может выразить это; как Сам Бог вечен и неизменен, так и ум человека. Если бы мы правильно поняли его силы, не было бы невозможного для нас на земле. Воображение усиливается и развивается через *веру в нашу волю*. Вера должна подкреплять воображение, ибо вера создает волю»[42].

[**] См.: The National Association of Spiritualists // The Spiritualist, May 25, 1877. P. 248.

[35] «Мнения буддиста о духовных состояниях». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[36] См.: «Spiritualist», Лондон, 1877, 25 мая, с. 246. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Mittra P.C.* A Buddhist’s Opinions of the Spiritual States // The Spiritualist, May 25, 1877. P. 246 (*Митра П.Ч.* Мнения буддистов о духовных состояниях // The Spiritualist, 1877, 25 мая. С. 246).

[37] Эпименид – древнегреческий жрец и провидец, эпический поэт.

[38] См.: *Müller K.O.* A History of the Literature of Ancient Greece. Vol. I. London, 1840. P. 233.

[39] См.: *Филострат.* Жизнь Аполлония Тианского, VIII, 7.

[40] См.: *Ennemoser J.* The History of Magic. Vol. I. London, 1854. P. 402.

[41] Путеолы (*лат.* Puteoli) – портовый город на западном побережье Италии, недалеко от Неаполя (нынешнее название – Поццуоли).

[42] См.: Aureoli Philippi Theophrasti Bombasts von Hohenheim Paracelsi Opera. Strasbourg, 1603.

Исключительный отчет о личной беседе в 1783 году английского посла с перевоплощенным Буддой, – вскользь упомянутом в первом томе, – в то время восемнадцатимесячным младенцем, дан в *Asiatic Journal*[43] на основании повествования самого очевидца, мистера Тернера, автора *Миссии в Тибете*[44]. Осторожная фразеология скептика, боящегося насмешек публики, плохо прикрывает удивление очевидца, который в то же самое время старается сообщить факты как можно вернее. Младенец-лама принял посла и его свиту с достоинством и манерами настолько непринужденным и естественным, что они от удивления пришли в полное замешательство. Поведение этого младенца, говорит автор, было поведением старого философа, серьезного, невозмутимого и чрезвычайно вежливого. Он старался дать понять молодому понтифу, в какое неутешительное горе был повергнут генерал-губернатор Galagata (Калькутты)[45], Города Дворцов, а также весь народ Индии, когда он умер; и всеобщее ликование, когда они узнали, что он опять возродился в молодом и здоровом теле. При этом комплименте молодой лама окинул его и его свиту благодушным взором и любезно угостил их из золотой чаши сластями. «Посол продолжал выражать надежду генерал-губернатора, что лама сможет долго освещать мир своим присутствием и что дружеские отношения, дотоле поддерживаемые между ними, будут еще более укреплены для блага и преуспеяния просвещенных почитателей ламы… Это всё заставило маленькое создание пристально вглядеться в говорящего, грациозно наклониться и кивнуть головой – наклониться и кивнуть, как *будто он* понимал и одобрял каждое произносимое слово»[46].

Как *будто* он понимал! *Если* этот младенец вел себя вполне естественно и с достоинством во время приема и, «когда их чашки чая были выпиты, стал беспокоен и, откинув голову и нахмурив лоб, продолжал издавать звуки до тех пор, пока чаши снова не были наполнены»[47], – почему бы он не мог понимать также и то, что ему было сказано?

Много лет тому назад, небольшая партия путешественников с большим трудом совершила путешествие из Кашмира в Лех, город в Ладаке (Центральный Тибет). Среди наших проводников был татарский шаман, весьма таинственная личность, который немного говорил по-русски, а английского языка совсем не знал, и все же умудрялся беседовать с нами и оказался очень полезным. Узнав, что некоторые из нашей группы русские, он вообразил, что наша протекция всемогуща и могла бы помочь ему безопасно вернуться домой в Сибирь, откуда он лет двадцать тому назад по неизвестным причинам бежал, как он нам рассказывал, через Кяхту и великую пустыню Гоби в страну чахаров[48].[49] Зная его заинтересованность в этой цели, мы чувствовали себя в безопасности под его охраной. Объясним вкратце ситуацию: наши товарищи составили немудрый план проникнуть в Тибет, разнообразно переодевшись, причем ни один из них не говорил на этом языке, хотя один из них, мистер К., где-то подобрал какого-то казанского татарина и думал, что тот умеет. Упоминая об этом только мимоходом, мы также можем сообщить, что сразу же двое из них, братья Н., были очень вежливо возвращены назад на границу, не прошагав и шестнадцати миль по вещей стране Восточного Бода[50], а мистер К., бывший лютеранский священник, даже не смог покинуть свою жалкую деревушку близ Леха, так как с первого дня заболел лихорадкой и ему пришлось возвратиться в Лахор через Кашмир. Но одно зрелище, увиденное им, было равносильно тому, как если бы он увидел перевоплощение самого

Цит. по: *Ennemoser J.* The History of Magic. Vol. II. London, 1854. P. 241.

[43] См.: Extract of a Letter from Mr Samuel Turner to the Honorable the Governor General, dated Patna, 2d March 1784 // Asiatick Researches, Vol. I, 1788. P. 197–206 (Выдержка из письма мистера Сэмюэля Тернера достопочтенному генерал-губернатору Патны от 2-го марта 1784 года // Asiatick Researches, 1788, т. I. С. 197–206).

[44] См.: *Turner S.* An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama, in Tibet: Containing a Narrative of a Journey through Bootan, and Part of Tibet. London, 1800.

[45] Galaghata или Golaghata; скорее всего, название происходит от названия одной из трех деревень – Kalikata, на месте которых образовался город Калькутта (с 2001 г. – Колката).

[46] См. «Индийскую мифологию» Коулмена. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Coleman C.* The Mythology of the Hindus. London, 1832. P. 217.

[47] Там же.

[48] Чахары – южно-монгольский этнос, проживающий на территории Внутренней Монголии (Китай). Также проживают на территории Монголии и Бурятии.

[49] Русским подданным запрещено пересекать территорию Татарии, так же как подданным императора Китая запрещено посещать русские фактории. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[50] Тибет (*вайли* bod).

Будды. Услышав об этом «чуде» от какого-то старого русского миссионера, которому, по его мысли, он мог доверять больше, чем аббату Гюку, он годами лелеял желание разоблачить, как он выразился, этот «великий языческий» обман. К. был позитивистом и весьма гордился этим антифилософским неологизмом. Но его позитивизм был обречен получить смертельный удар.

После приблизительно четырехдневного путешествия из Исламабада мы остановились, чтобы отдохнуть на несколько дней в грязном поселке, единственной утешительной чертой которого было великолепное озеро. Наши товарищи временно отделились от нас, и этот поселок должен был послужить нам местом встречи. Именно там наш шаман оповестил нас, что большая партия ламаистских «святых», совершавших паломничество к различным святым местам, поселилась в старом пещерном храме и учредила там временную вихару. Он добавил, что поскольку «Три Драгоценности»[51], согласно молве, путешествовали с ними, то святые бхикшу (монахи) могли творить величайшие чудеса. Мистер К., загоревшись желанием разоблачить этот вековой обман, сразу же отправился нанести им визит, и с этого момента между обоими лагерями установились самые дружеские отношения.

Вихара находилась в уединенном и наиболее романтичном месте, защищенном от всяких вторжений. Несмотря на усиленные ухаживания, подарки и торжественные заявления мистера К., глава, который был Pase-Budhu (аскет великой святости), отказывался продемонстрировать феномен «воплощения» до тех пор, пока пишущая эти строки не показала ему некий талисман, которым она обладала[52]. Увидев его, однако, сразу же приступили к приготовлениям; взяли ребенка трех или четырех месяцев у одной матери, бедной женщины, живущей по соседству. Первым делом от мистера К. взяли клятву, что в течение семи лет он никому не раскроет того, что он увидит или услышит. Талисман представляет собой простой агат или сердолик, который известен среди тибетцев и других под названием *а-ю* и по природе обладал или был наделен очень таинственными свойствами. На нем высечен треугольник, в котором содержится несколько мистических слов[53].

Прошло несколько дней, прежде чем всё было готово. За это время ничего таинственного не произошло, за исключением случая, когда по велению одного бхикшу[54] мертвенно-бледные лица глядели на нас из зеркального дна озера, в то время как мы сидели у дверей вихары на его берегу. Одним из них было лицо сестры мистера К., которую он, уезжая, оставил дома здоровой и

---

[51] Это представители буддийской Троицы: Будда, Дхарма и Сангха, или Фо, Фа и Сенг, как их называют в Тибете. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[52] Бхикшу не разрешено непосредственно принимать что-либо даже от мирян своего народа, тем более от иностранца. Избегается малейший контакт с телом и даже одеянием лица, не принадлежащего к их особой общине. Поэтому даже те подарки, которые мы приносили и которые состояли из кусков красной и желтой *пулу* (шерстяная ткань, которую обычно носят ламы) должны были подвергаться странным церемониям. Бхикшу запрещено: 1) требовать или выпрашивать что-либо, – даже если бы они голодали, – они должны ждать, когда им это добровольно предложат; 2) прикасаться руками к золоту или серебру; 3) есть хотя бы кусочек даже принесенной в подарок пищи до тех пор, пока даритель ясно не скажет ученику: «Это для вашего учителя в *пищу*». После этого ученик, повернувшись к *pazen*, в свою очередь должен предложить ему пищу, и только тогда, когда он произнес: «Учитель, это разрешено. Берите и кушайте», лама может брать пищу правой рукой и кушать. Все наши приношения должны были пройти такие очищения. Когда серебряные монеты и несколько горстей анн (анна равна четырем центам) при различных случаях преподносились общине, один из учеников сперва обвертывал руку желтым платком и, принимая сумму на ладонь, немедленно препровождал ее в *badir*, еще где-то называемую *sabait*, священную, обычно деревянную чашу, предназначенную для приношений. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[53] Эти камни пользуются большим почетом среди ламаистов и буддистов; ими украшены трон и скипетр Будды, и Далай-лама носит такой камень на четвертом пальце правой руки. Их находят в горах Алтая и близ реки Яркун. Наш талисман был даром от уважаемого верховного жреца, *гелонга*, одного калмыцкого племени. Хотя их считают отступниками от первичного ламаизма, эти кочевники поддерживают дружеские отношения со своими братьями-калмыками, хошутами Восточного Тибета и Кукунора и даже ламаистами Лхасы. Духовные власти, однако, не желают иметь отношений с ними. Мы имели большие возможности хорошо ознакомиться с этим интересным народом астраханских степей, в юности живя в их *кибитках* и пользуясь сердечным гостеприимством их князя Тюменя[*], их покойного главы, и его княгини. В своих религиозных церемониях калмыки пользуются трубами, сделанными из бедренных и локтевых костей покойных правителей и верховных жрецов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Серебджа́б (Сереб-Джап) Тюме́нь (1774–1858) – калмыцкий князь, нойон Хошеутовского улуса, основатель Хошеутовского хурула, командир Второго Астраханского калмыцкого полка, участник Отечественной войны 1812 года, полковник (1816), кавалер российских и иностранных орденов.

[54] Бхи́кшу (*вайли* dge long, гелонг, *монг.* гэлэн) – в буддизме высшая степень монашеского посвящения.

счастливой, но которая, как мы узнали впоследствии, умерла за какое-то время до того, как он отправился в это путешествие. Сначала это зрелище подействовало на него, но он призвал на помощь свой скептицизм и успокоил себя теориями о тенях облаков, отражениях ветвей деревьев и т.п., на что обычно опираются такого рода люди.

В назначенный день, во второй половине дня, младенца вынесли в вихару и оставили в вестибюле, или в приемной комнате, так как К. не полагалось заходить дальше во временное святилище. Затем младенца поместили на лоскуте ковра в середине комнаты; всем посторонним велели выйти; двух «монахов» поставили у входа, чтобы не допускать ничьего вторжения. Затем все ламы уселись на полу спинами к гранитным стенам так, что каждый был отделен от младенца пространством по меньшей мере в десять футов. Глава уселся в самом дальнем углу, где *desservant*[55] постелил для него квадратный кусок кожи. Один только мистер К. поместился около самого младенца и следил за каждым движением с пристальным вниманием. Единственным условием, требуемым от нас, было соблюдение строгого молчания и терпеливое ожидание развертывания событий. Ясный солнечный свет лился в открытую дверь. Постепенно «глава» впал в состояние, которое казалось глубокой медитацией, тогда как другие, произнеся *sotto voce*[56] краткое заклинание, внезапно замолкли и выглядели так, как будто они все совершенно окаменели. Было угнетающе тихо, и гуканье младенца было единственным слышимым звуком. После того как мы так просидели немного времени, движения конечностей младенца внезапно прекратились и его тело, казалось, застыло. К. напряженно следил за каждый движением, и мы оба, обменявшись быстрым взглядом, остались довольны тем, что все присутствующие сидели неподвижно. Глава, устремив свой взгляд на землю, даже не глядел на ребенка; бледный и бездвижный, он скорее был похож на статую талапойна, погруженного в медитацию, чем на живое существо. Вдруг, к нашему великому замешательству, мы увидели ребенка, не то чтобы встающего, но как бы резко поднятого в сидячее положение. Еще несколько рывков, и затем, точно автомат, приведенный в движение скрытыми проволоками, этот четырехмесячный младенец встал на ноги! Вообразите наше замешательство и ужас мистера К. Ни одна рука не была протянута, ни одно движение не совершено, ни одно слово не вымолвлено – и всё же грудной ребенок стоял прямо и твердо, как мужчина!

Остальную часть описания мы приведем из копии записок, написанных по этому поводу самим мистером К. в тот же вечер и данных нам на тот случай, если они не дойдут до места назначения или писателю не удастся увидеть что-либо больше.

«После минуты или двух колебания, – пишет К., – младенец повернул голову и взглянул на меня с выражением такой разумности, что это было просто страшно! У меня мороз пробежал по коже. Я щипал свои руки и кусал губы чуть ли не до крови, чтобы убедиться, что я не сплю. Но это было только начало. Это чудесное создание, *как мне казалось,* сделало два шага ко мне, снова приняло сидячую позу и, не спуская с меня глаз, повторяло фразу за фразой на языке, который, как я полагал, был тибетским, те самые слова, какие, как мне до этого объяснили, обычно произносятся при воплощениях Будды, начиная с: “Я – Будда; я старый лама; я его Дух в новом теле”, и т.д. Я ощутил действительный ужас; волосы встали дыбом и кровь застыла. Хоть убей меня – я не мог выговорить ни слова. Тут не было ни трюкачества, ни чревовещания. Губы младенца двигались, и глаза, казалось, заглядывали мне в самую душу с выражением, которое *заставило меня думать, что то было лицо самого главы,* его глаза, его взгляд, на которые я уставился. *Как будто его Дух вошел в это маленькое тело и теперь смотрел на меня через прозрачную маску детского лица.* Я почувствовал головокружение. Младенец потянулся ко мне и положил свою маленькую ручку на мою. Я вздрогнул, точно ко мне прикоснулись горячим углем, и не в состоянии больше выносить эту сцену закрыл лицо ладонями. Это было только на одно мгновение, но когда я отнял руки, маленький актер уже превратился в хныкающего младенца, лежащего на спине, и немного спустя поднял истошный рев. Глава же вернулся в свое нормальное состояние, и последовала беседа.

[55] слуга (*фр.*).
[56] шепотом (*ит.*).

Только после ряда подобных экспериментов, длившихся более десяти дней, я осознал тот факт, что я видел невероятный, поразительный феномен, описанный некоторыми путешественниками, но всегда объявляемый мной обманом. Среди множества вопросов, оставшихся без ответа, несмотря на мой перекрестный допрос, глава обронил каплю информации, которую следует рассматривать как очень значительную. “Что случилось бы, – спрашивал я через шамана, – если в то время, когда младенец заговорил, я, в момент безумного страха, при мысли, что дитя – это “дьявол”, убил бы его?”. Он ответил, что “если бы этот удар не был мгновенно смертельным, то был бы убит *только* ребенок”. “Но, – продолжал я, – предположим, что он был бы молниеносен?” “В таком случае, – ответил он, – *вы убили бы меня тоже*”».

В Японии и Сиаме существуют два разряда жрецов, из которых один – открытый и имеет дело с людьми, а другой – строго секретный. Последних никогда не видят; об их существовании известно лишь очень немногим туземцам; иностранцам же – никогда. Их силы никогда не демонстрируются ни перед публикой, ни вообще когда-либо, за исключением редких случаев чрезвычайной важности, когда церемонии совершаются в подземных или в других отношениях недоступных храмах и в присутствии нескольких избранных, которые головой отвечают за сохранение тайны. Среди таких случаев – смерть в царственной семье или в среде высоких сановников, связанных с этим орденом. Одним из самых вещих и впечатляющих проявлений силы этих магов является вывод астральной души из подвергшихся кремации остатков человеческих существ; это церемония, которую практикуют также в некоторых из наиболее значительных ламасериев Тибета и Монголии.

В Сиаме, Японии и Великой Татарии существует обычай делать медальоны, статуэтки идолов из пепла сожженных лиц[57]; пепел смешивают с водой, чтобы получилась паста; и когда ей придана желаемая форма, обжигают и покрывают золотом. Ламасерий Ou-Tay в провинции Шаньси (Монголия) наиболее славится этими изделиями, и богатые люди посылают туда кости своих покойных родственников, чтобы их перемололи и обработали[58]. Когда адепт магии предлагает помочь в выводе астральной души из умершего, которая иначе, как они думают, может остаться оглушенной на неопределенное время *внутри* пепла, прибегают к следующему действию: священная пыль насыпается на металлический лист, сильно намагнетизированный и имеющий размеры человеческого тела. Затем адепт медленно и нежно обмахивает его *Talapat Nang*[59], веером своеобразной формы с написанными на нем определенными знаками, бормоча в то же время какую-то формулу вызывания. Пепел вскоре становится как бы насыщенным жизнью и тихо распределяется тонким слоем, который принимает очертания тела, каким оно было до сожжения. Затем постепенно поднимается что-то похожее на беловатый пар, который спустя какое-то время образует вертикальный столб, и, уплотняясь, наконец превращается в «двойника» или эфирную астральную копию умершего, которая в свою очередь растворяется в воздухе и исчезает из поля зрения смертных[60].

«Маги» Кашмира, Тибета, Монголии и Великой Татарии слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в комментариях. Если их назовут *фокусниками*, то мы приглашаем самых лучших фокусников Европы и Америки сравняться с ними, если смогут.

Если наши ученые не в состоянии воспроизводить бальзамирование египетских мумий, насколько больше они были бы удивлены, увидев, подобно нам, мертвые тела, сохраненные с помощью алхимического искусства до такой степени, что по истечении многих веков кажется, что эти люди просто спят. Цвет их лица такой свежий, кожа так эластична, глаза настолько натуральные и искрящиеся, как будто они в полном расцвете сил и колеса жизни остановились

---

[57] У калмыков-буддистов астраханских степей существует обычай делать своих идолов из пепла их сожженных князей и жрецов. Родственница пишущей эти строки* имеет в своей коллекции несколько маленьких пирамид, сделанных из пепла выдающихся калмыков, которые подарил ей сам князь Тюмень в 1836 году. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Н.А.Фадеева.

[58] См.: *Huc E.R.* Travels in Tartary, Thibet, and China during the years 1844–5–6. Vol. I. London, 1851. P. 78–79.

[59] Священный веер, употребляемый верховными жрецами вместо зонтика*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* См.: *Coleman C.* The Mythology of the Hindus. London, 1832. P. 209.

[60] См.: т. I, с. 476. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Blavatsky H.P.* Isis Unveiled. Vol. I. New York, 1877. P. 476.

лишь мгновение назад. Тела некоторых весьма выдающихся личностей уложены на катафалки в роскошных мавзолеях, иногда покрытых позолотой или даже листами настоящего золота; около них собрано их любимое оружие, украшения и вещи ежедневного употребления; и свита прислуживающих, цветущих молодых юношей и девушек, но все же трупов, сохранившихся так же хорошо, как их хозяева, стоит, выстроившись, как бы готовая служить по первому зову. Говорят, что в монастыре Великий Kouren[61] и в другом, расположенном на священной горе (Богдо-Ула)[62], имеется несколько таких гробниц, которые почитались всеми ордами завоевателей, пронесшимися через эти страны. Аббат Гюк слышал об их существовании, но не видел ни одной, так как чужеземцы любого рода туда не допускаются, а миссионеры и европейские путешественники, не пользующиеся требуемой протекцией, являются последними, кто могли бы быть допущены к этим священным местам. Сообщение Гюка, что гробницы татарских суверенов окружены детьми, «которых заставляли глотать ртуть до тех пор, пока они не задохнулись», вследствие чего «цвет и свежесть этих жертв сохранилась настолько, что они выглядят живыми»[63], является одной из тех миссионерских выдумок, которые действуют только на самых невежественных людей, воспринимающих всё, что услышат. Буддисты никогда не приносили жертв, ни человеческих, ни животных. Это совершенно противоречит принципам их религии, и ни один ламаист никогда в этом не был обвинен. Когда богатый человек желал, чтобы его похоронили в *сообществе*, то посылали вестников по всей стране вместе с ламами-бальзамировщиками, и для этой цели отбирались дети, только что умершие естественной смертью. Бедные родители были только рады сохранить своих умерших детей таким поэтическим образом, вместо того чтобы оставлять их на разложение и пожирание дикими зверьми.

В то время как аббат Гюк после возвращения из Тибета жил в Париже, он среди прочих неопубликованных чудес рассказал мистеру Арсеньеву, русскому джентльмену, следующий любопытный факт, которому он был свидетелем во время своего продолжительного пребывания в ламасерии Кунбум. Однажды во время беседы с одним из лам последний вдруг прервал свою речь и принял вид человека, внимательно слушающего какую-то сообщаемую ему весть, хотя он (Гюк) не слышал ни одного слова. «Тогда я должен идти», – прервал молчание лама как бы в ответ на сообщение.

«Куда идти?» – спросил удивленный «лама Иеговы» (Гюк). – И с кем это вы разговариваете?».

«В ламасерий ***, – спокойно ответил лама. – Я нужен шаберону. Это он позвал меня».

Ламасерий этот находился на расстоянии многих дней пути от Кунбума, в котором происходила беседа. Но самым удивительным Гюку показалось то, что вместо того, чтобы отправиться в путешествие, лама просто прошел в куполообразное помещение на крыше дома, в котором он жил, а другой лама, обменявшись несколькими словами, последовал за ним на террасу по лестнице и, пройдя между ними, запер там своего товарища. Затем, повернувшись к Гюку после нескольких секунд медитации, он улыбнулся и сообщил гостю, что «тот уже ушел».

«Но как он мог уйти? Вы же заперли его, и у этого помещения нет другого выхода?» – настаивал миссионер.

«А на что ему дверь? – ответил лама. – *Он сам ушел; тело ему не понадобилось, и поэтому он оставил его на моем попечении*».

Несмотря на чудеса, которым Гюк был свидетелем в течение своего опасного путешествия, у него создалось мнение, что оба ламы ввели его в заблуждение. Но тремя днями позднее, не видя своего обычного друга и собеседника, Гюк осведомился о нем, и ему сказали, что он вернется к вечеру. На заходе солнца, как раз в то время, когда «другие ламы» готовились лечь спать, Гюк услышал голос своего отсутствовавшего друга, призывавший как бы из облаков своего товарища открыть ему дверь. Взглянув кверху, он увидел очертания «путешественника» за решеткой

---

[61] Küriye (*монгол.* Хүрээ, Khüree – монастырь) – старое название столицы Монголии Улан-Батора.

См.: *Huc E.R.* Travels in Tartary, Thibet, and China during the years 1844–5–6. Vol. I. London, 1852. P. 91–94.

[62] Бо́гдо-У́ла или Богдо-Ола – горный хребет и одноименная гора в Восточном Тянь-Шане. Располагается в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (Китай) к востоку от города Урумчи. Высшая точка – гора Богдо-Ула (5445 м).

[63] *Huc E.R.* Travels in Tartary, Thibet, and China during the years 1844–5–6. Vol. II. London, 1852. P. 80.

помещения, в котором он был заперт. Когда он спустился, он отправился прямо к Великому ламе Кунбума и передал ему некие послания и «приказы» из того места, которое он только что «притворился» покинувшим. Гюк не мог добыть у него больше сведений, касающихся его *воздушного* путешествия. Но он сказал, что он всегда думал, что этот «фарс» имел какое-то отношение к немедленным и необычным приготовлениям к вежливому выдворению обоих миссионеров, его самого и отца Габе[64], в Чогортан, место, принадлежащее Кунбуму. Подозрения этого отважного миссионера могли быть обоснованными ввиду его наглого любопытства и нескромности.

Если бы этот аббат был сведущ в восточной философии, он не встретил бы никакой трудности в понимании как полета астрального тела ламы в отдаленный монастырь, пока его физическое тело оставалось дома, так и ведения беседы с шабероном, неслышной для него самого. Недавние эксперименты с телефоном в Америке, на которые был сделан намек в пятой главе нашего первого тома, но которые значительно усовершенствовались за то время, пока те страницы попали в печать, доказывают, что человеческий голос и также звуки инструментальной музыки могут быть посланы на большие расстояния. Философы герметизма учили, как мы видели, что исчезновение пламени с поля зрения вовсе не означает его фактического угасания. Оно только перешло из видимого мира в невидимый и может быть зримо внутренним зрением, которое приспособлено к явлениям той другой и более реальной Вселенной. То же правило относится к звуку. Как физическое ухо различает вибрации атмосферы до некоторой точки, не установленной определенно, но меняющейся в зависимости от индивидуума, также и адепт с развитым внутренним слухом может подхватить звук на этой точке исчезновения и слышать его вибрации в Астральном Свете бесконечно. Ему не нужна проволока, спирали и резонаторы; ему достаточно силы воли. Духовному слуху время и расстояние не являют препятствий, и поэтому он может беседовать с другим адептом на противоположном полушарии с такой же легкостью, словно они оба находились в одной комнате.

К счастью, мы можем представить многочисленных свидетелей для подтверждения нашего заявления, которые, вовсе не будучи адептами, тем не менее слышали звуки воздушной музыки и человеческого голоса, когда ни инструмента, ни говорящего человека не было на расстоянии тысячи миль от того места, где мы сидели. В их случае они действительно слышали внутренне, хотя думали, что пользуются только лишь своими физическими органами слуха. Адепт простым усилием силы воли на короткое время раскрыл в них то же самое восприятие духа звука, которым он сам постоянно пользуется.

Если бы только наших ученых можно было побудить вместо высмеивания проверить древнюю философию о триединстве всех сил природы, – они двинулись бы вперед скачками по направлению ослепительной истины, вместо ползания как теперь подобно улитке. Эксперименты профессора Тиндаля в Южном Форленде в Дувре в 1875 году в достаточной степени опрокинули все предыдущие теории о звукопередаче, а те опыты, которые он проделал с чувствительным пламенем[65], приводят его к самому порогу сокровенной науки. Еще один шаг дальше и он понял бы, каким образом адепты могут разговаривать на больших расстояниях. Но этот шаг *не* будет сделан. О своем чувствительном – по правде говоря, магическом – пламени, он говорит: «Малейший стук по далекой наковальне заставляет его упасть на семь дюймов. Когда встряхивают связку ключей, пламя приходит в сильное волнение и испускает громкий рев. Падение шестипенсовой монеты на руку, в которой уже находится монета, сбивает пламя. Скрип сапогов приводит его в буйное смятение. Смятие или разрывание лоскута бумаги или шелест шелкового платья имеют тот же результат. Реагируя на каждое тиканье часов около него, оно опадает и взрывается. Заведение часовой пружины производит колыхание. С расстояния тридцати ярдов мы можем шептать этому пламени, заставляя его падать и реветь. При повторении отрывка из

[64] Жозеф Габе́ (1808–1853) – французский путешественник и тибетолог, католический монах, миссионер ордена лазаристов. Известен описанием своего путешествия по Китаю, Монголии и Тибету, в соавторстве с товарищем по путешествию Э.Р.Гюком.

[65] См. его «Лекции о звуке». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Tyndall J.* Sound. London, 1875. P. 237 (*Тиндаль Дж.* Звук. Лондон, 1875. С. 237).

Королевы фей[66] пламя отсеивает и отбирает из моего голоса различные звуки, отмечая одни легким кивком, другие – более глубоким поклоном, тогда как на другие реагирует бурным волнением».

Таковы чудеса современной физической науки, но какой ценой – аппаратуры, углекислоты и каменноугольного газа, американских и канадских свистков, труб, гонгов и колоколов! У бедных язычников нет такого *обоза*, но – поверит ли европейская наука этому – тем не менее они производят те же самые феномены. В одном случае, когда по делу чрезвычайной важности потребовался «оракул», мы увидели возможность того, что мы прежде яростно отрицали – а именно, простой странствующий монах заставил чувствительное пламя давать ответные вспышки без участия какой бы то ни было аппаратуры. Из ветвей дерева *Beal* был зажжен костер, в который бросили немного жертвенной травы. Монах сел около костра, недвижимый, погрузившийся в созерцание. В промежутках между задаваемыми вопросами пламя едва теплилось и, казалось, было готово погаснуть, но как только вопрос был предложен, пламя выскакивало с ревом к небесам, трепыхалось, наклонялось и высылало огненные языки к востоку, западу, северу или югу, причем каждое движение имело свое четко определенное значение в коде сигналов, хорошо понимаемых. В промежутках оно снижалось до земли, и языки пламени лизали землю по всем направлениям и вдруг исчезали, оставляя только кучку горячих угольев. Когда беседа с духами пламени подошла к концу, бхикшу (монах) повернулся к джунглям, где он обитал, не прекращая монотонного с причитаниями напева, по ритму которого чувствительное пламя держало такт, не простыми движениями, как пламя профессора Тиндаля во время чтения *Королевы фей*, а чудесными модуляциями шипения и рева до тех пор, пока монах не исчез из виду. Затем оно, точно сама жизнь покинула его, погасло и оставило перед пораженными зрителями кучку золы.

Как в Западном, так и в Восточном Тибете и в любом другом месте, где преобладает буддизм, существуют две отдельные религии, что имеет место и в брахманизме, – сокровенная философия и народная религия. Первая – это философия последователей доктрины секты саутрантика[67]. Они твердо придерживаются духа первоначальных учений Будды, которые являют необходимость *интуитивного* восприятия, со всеми выводами из этого. Они не провозглашают своих взглядов и также не позволяют их сделать публичными.

«Все *соединения* – тленны»[68], – было последними словами умирающего Гаутамы, когда под деревом сал он готовился войти в Нирвану. «Дух есть единственное элементарное, изначальное единство, и каждый из его лучей бессмертен, бесконечен и неразрушим. Остерегайтесь иллюзий материи». Дхармашока распространил буддизм далеко и широко по Азии и еще дальше. Он был внуком чудотворца Чандрагупты, прославленного царя, который освободил Пенджаб от македонцев, – если они вообще когда-либо были в Пенджабе, – и принял Мегасфена при своем дворе в Паталипутре. Дхармашока был величайшим из царей династии Маурьев. Из безрассудного распутника и атеиста он стал Пиядаси, «возлюбленным богов», и по чистоте своих филантропических взглядов никогда не был превзойден каким-либо земным правителем. Память о нем просуществовала века в сердцах буддистов и увековечена в гуманных указах, высеченных на нескольких распространенных диалектах на колоннах и скалах Аллахабада, Дели, Гуджерата, Пешавара, Ориссы[69] и в других местах[70]. Его знаменитый дед объединил всю Индию под своим могучим скипетром. Когда наги, или змеепоклонники, Кашмира были обращены усилиями

---

[66] «Королева фей» – аллегорическая рыцарская поэма английского поэта Эдмунда Спенсера (ок. 1552–1599), оставшаяся незаконченной.

[67] От составного слова «сутра», изречение или заповедь, и «антика» – близко, рядом. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Саутрантика (*санскр.* sautrāntika – приверженец сутр) – философская школа буддизма, причисляемая к хинаяне, в настоящее время не имеет непосредственных последователей, хотя ее труды используются во многих школах махаяны. Школа отделилась от вайбхашики между 50 г. до н.э. и 100 г. н.э.

[68] Buddhism // The New American Cyclopædia. Vol. IV. New York, 1860. P. 63.

[69] Оди́ша, ранее Ори́сса – штат на востоке Индии.

[70] Это звучит как несправедливость по отношению к Ашоке – сравнивать его с Константином, как делают некоторые востоковеды. Если в религиозном и политическом значениях Ашока для Индии сделал то же, что Константин якобы для Западного мира, то на этом всякое сходство кончается. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

апостолов, посланных стхавирами[71] Третьего собора[72], религия Гаутамы распространилась подобно лесному пожару. Гандхара, Кабул и даже многие сатрапии Александра Великого приняли новую философию. Так как буддизм Непала, можно сказать, менее чем какой-либо другой отклонился от первоначальной древней веры, то ламаизм Татарии, Монголии и Тибета, являющийся непосредственным отпрыском этой страны, может считаться чистейшим буддизмом, ибо, повторяем еще раз, ламаизм, собственно, есть только одна из внешних форм обрядов.

Упасаки и упасики, или мужчины и женщины – полумонахи и полумиряне, должны наравне с самими монахами-ламами строго воздерживаться от нарушения какого-либо из правил Будды и в такой же степени изучать *мейпо* и всякие психологические феномены. Те, кто провинились по какому-либо из «пяти грехов», теряют все права на посещение собраний благочестивой общины. Наиболее важным из них является: *ни в каком случае не проклинать, ибо проклятие возвращается на того, кто его произносит, и часто на его невинных родственников, которые дышат одним и тем же с ним воздухом*. Любить друг друга, даже наших злейших врагов; жертвовать своей жизнью, даже для животных, до такой степени, что не применять оборонного оружия; одержать величайшую победу, победив собственное «я»; избегать всех пороков; применять на практике все добродетели, в особенности скромность и кротость; слушаться старших; заботиться о родителях и почитать их, и уважать престарелых, ученость и добродетель святых людей; обеспечивать пищей, приютом и удобствами людей и животных; сажать деревья вдоль дорог и рыть колодцы для нужд путников – таковы нравственные обязанности буддистов. Каждая ани, или бхикшуни (монахиня), подчинена этим законам.

Многочисленны буддийские и ламаистские святые, которые прославились непревзойденной святостью своих жизней и своими «чудесами». Так Тиссу, духовный учитель императора[73], посвятивший Хубилай-хана, был известен далеко и широко как чрезвычайной святостью своей жизни, так и многими сотворенными им чудесами. Но он не остановился на одних лишь бесплодных чудесах, но совершил нечто большее, чем это. Тиссу полностью очистил свою религию; сказано, что только из одной провинции Южной Монголии он заставил Хубилая изгнать из монастырей 500000 лжемонахов, которые воспользовались своим вероисповеданием, чтобы проводить жизнь в пороках и лени. Затем был великий реформатор ламаизма шаберон Цонкапа, другой чудотворец, который, как утверждают, был беспорочно зачат своей матерью, девственницей из Кукунора (четырнадцатый век). Священное дерево в Кунбуме, дерево 10000 образов, которое, вследствие вырождения и падения истинной веры, перестало давать почки уже несколько веков, тогда пустило новые ростки и расцвело краше, чем когда-либо, от волоса этой Аватары Будды, гласит легенда. Это же предание приписывает ему (Цонкапе) вознесение на небо в 1419 году[74]. В противоположность господствующей идее, немногие из этих святых являются *хубилганами* или шаберонами – перевоплощенцами.

Во многих ламасериях имеются школы магии, но наиболее знаменитым является университетский монастырь Shu-tukt, в котором числится более 30000 монахов, и сам монастырь почти образует небольшой город. Некоторые женщины-монахини обладают чудесными психологическими силами. Мы встретились с некоторыми из этих женщин на их пути из Лхасы в Канди[75], этот Рим буддизма, с его чудотворными святилищами и реликвиями Гаутамы. Чтобы избежать столкновений с мусульманами и другими сектами, они путешествуют только ночью, безоружные и ничуть не боясь диких зверей, *ибо те их не тронут*. При первых лучах зари они

---

[71] Стахавиры – в буддийской монашеской иерархии старшие возрастом монахи в отличие от младших.

[72] Третий буддийский собор был созван примерно в 250 г. до н.э. в Патне, предположительно под покровительством императора Ашоки. Считается, что этот собор был созван с целью положить конец коррупции в сангхе и избавиться от фиктивных монахов, придерживающихся еретических взглядов. Его возглавил Моггалипутта Тисса (ок. 327–247 до н.э.), а участие в соборе приняли тысячи монахов.

[73] Дрогён Чогьял Пагпа (1235–1280), известен как Пагба-лама – пятый глава тибетской буддийской школы сакья. Первый теократический монарх Тибета, на столетия вперед задавший политико-религиозную роль Тибета в регионе. Был духовным наставником Хубилай-хана и государственным наставником (го-ши) империи Юань.

[74] См.: Lamaism // The New American Cyclopædia. Vol. X. New York, 1861. P. 261–262.

[75] Ка́нди или Сенкадагалапура (Senkadagalapura) – город в центральной части Шри-Ланки. Основан в XIV в., одна из древних столиц острова. Известен как один из священных буддистских городов, место нахождения храма Зуба Будды (Шри-Далада-Малигава).

укрываются в пещерах и вихарах, приготовленных для них на рассчитанных расстояниях их собратьями-буддистами, ибо, несмотря на тот факт, что буддизм получил убежище на Цейлоне и номинально в Британской Индии мало представителей этого вероисповедания, все же тайные byaud (братства)[76] и буддийские вихары многочисленны, и каждый джайн чувствует себя обязанным помогать буддисту и ламаисту.

Мы всегда искали оккультные явления, жадно стремясь их увидеть, и одно из самых интересных, виденных нами, было произведено одной из этих бедных путешествующих бхикшу. Это было много лет тому назад, когда все такие проявления были новостью для пишущей эти строки. Нас взял с собой, чтобы посетить этих странниц, один друг-буддист, таинственный джентльмен, родившийся в Кашмире в семье качи[77], обращенный в буддо-ламаизм и постоянно проживающий в Лхасе.

«Почему ты носишь при себе эту связку мертвых растений?» – спросила одна из бхикшуни, худая, высокая и пожилая женщина, указывая на большой букет прекрасных, свежих и благоухающих цветов в моих руках.

«Мертвых? – спросила я удивленно. – Но я же только что нарвала их в саду!»

«И все же они мертвы, – печальным голосом сказала она. – Разве рождение в этом мире не есть смерть? Посмотри, как выглядят эти травы, когда они живые цветут в мире Вечного Света, в садах нашего благословенного Фо!»

Не сходя с того места, где она сидела на земле, ани взяла цветок из моего букета, положила его себе на колени и начала большими горстями как бы собирать к нему невидимый материал из окружающей атмосферы. Вскоре было видно очень смутное очертание парообразного узелка, он медленно принимал форму и цвет, пока, застыв высоко в воздухе, не появилась копия того цветка, который мы дали ей. Она была точной до последнего оттенка и последнего лепестка и лежала на боку, подобно оригиналу, но являлась в тысячу раз прекраснее по оттенкам красок и изысканности красоты, так же как вознесшийся человеческий Дух несравнимо прекраснее своей физической оболочки. Таким образом цветок за цветком до малейшей травинки воспроизводился и исчезал, вновь появляясь по нашему желанию, даже при одной мысли. Выбрав полностью цветущую розу, мы держали ее в вытянутой руке, и в течение считанных минут наша кисть, рука и цветок, совершенные в каждой детали, появились отраженными в свободном пространстве в каких-нибудь двух ярдах от того места, где мы сидели. Но в то время как цветок, казалось, стал неизмеримо краше и таким же эфирным, как другие духовные цветы, кисть и рука казались простым отражением в зеркале, даже вплоть до большого пятна на предплечье, оставленного комком сырой земли, прилипшей к одному корню. Впоследствии мы узнали причину этого.

Великую истину высказал лет пятьдесят тому назад доктор Франсуа Виктор Бруссе[78], когда сказал: «Если бы магнетизм был истиной, то медицина была бы абсурдом»[79]. Магнетизм есть истина, так что мы не будем возражать ученому французу также насчет остального. Магнетизм, как мы это уже показали, есть азбука магии. Напрасной будет всякая попытка понять теорию или практику последней до тех пор, пока не будет признан основной принцип магнетических притяжений и отталкиваний по всей природе.

Многие так называемые народные суеверия являются только показателями инстинктивного восприятия этого закона. Неученые люди усвоили путем опыта многих поколений, что определенные феномены происходят при известных условиях; они создают эти условия и получают ожидаемые результаты. Не зная этих законов, они объясняют сам факт сверхъестественностью, так как опыт был их единственным учителем.

В Индии, так же как в России и некоторых других странах, существует инстинктивное нежелание переходить через тень другого человека, в особенности рыжего; и в Индии туземцы чрезвычайно избегают обмена рукопожатиями с человеком другой расы. Это не пустые фантазии. Каждый человек испускает магнетическое излучение или ауру; сам человек может быть совершенно здоровым физически, но в то же самое время его излучение может иметь болезненный

---

[76] См.: *Coleman C.* The Mythology of the Hindus. London, 1832. P. 276.

[77] Народ в Индии.

[78] Франсуа Жозеф Виктор Бруссе́ (1772–1838) – французский врач, профессор в Париже.

[79] *Teste A.* A Practical Manual of Animal Magnetism. London, 1843. P. 283.

характер для других, чувствительных к таким тонким влияниям. Доктор Эсдейл[80] и другие месмеристы давно учили нас, что восточные народы, и в особенности индусы, гораздо более чувствительны, чем белокожие расы. Опыты барона Райхенбаха – и, в сущности, опыт всего мира – доказывают, что эти магнетические излучения из конечностей наиболее интенсивны. Это доказано терапевтическими манипуляциями; поэтому обмен рукопожатиями считается наиболее передающим антипатичные магнетические условия, и индусы поступают мудро, держа всегда в памяти свое древнее «суеверие», полученное от Ману.

Мы обнаружили, что магнетизма рыжего человека боятся почти во всех народах. Мы могли бы приводить пословицы из русского, персидского, грузинского, хинди, французского, турецкого и даже немецкого языков, в которых указывается, что предательство и другие пороки, по народному поверью, сопровождаются рыжеволосостью. Когда человек стоит освещенный солнцем, то магнетизм светила отбрасывает эманации человека в сторону его тени, и увеличившаяся молекулярная деятельность создает больше электричества. Поэтому индивидуум, которому он антипатичне, – хотя оба могут не осознавать этого факта, – поступит разумно, не переступая его тени. Осторожный врач моет руки после каждого пациента. Почему же тогда не обвинить его в суеверии так же, как индусов? Микробы болезней невидимы, но тем не менее реальны, как доказывает опыт Европы. А *опыт Востока, накопленный сотнями веков, доказал, что зародыши духовной заразы задерживаются около местностей, и нечистый магнетизм может передаваться прикосновением*.

Другим преобладающим поверьем в некоторых местностях России, в особенности Грузии (Кавказ), и в Индии, является поверье, что если тело утопленника невозможно найти другими способами, то его одежду бросают в воду, и она поплывет, пока не будет как раз над нужным местом, и затем затонет. Мы даже видели такой эксперимент, успешно проведенный с помощью священного шнура брамина. Шнур плавал по воде туда-сюда, описывая круги как бы в поисках чего-то, как вдруг, устремившись по прямой линии приблизительно на протяжении 50 ярдов, затонул, и точно на этом месте ныряльщики вынесли наверх тело. Мы обнаруживаем это «суеверие» даже в Америке. Питтсбургская газета совсем недавнего выпуска описывает, как нашли тело юного мальчика по имени Рид в Мононгахиле[81] при помощи подобного метода. Когда все другие способы не дали результата, говорится в газете, «прибегли к любопытному суеверию. Одну из рубашек мальчика бросили в реку там, где он утонул; как рассказывают, эта рубашка некоторое время плавала на поверхности и наконец опустилась ко дну в одном месте, оказавшемся местом, где лежало тело, которое потом извлекли. Верование, что рубашка утонувшего, брошенная в воду, последует за телом, широко распространено, каким бы абсурдным оно ни казалось»[82].

Этот феномен объясняется законом мощного притяжения, существующего между человеческим телом и вещами, которые долго носились на нем. Самая старая одежда наиболее эффективна для такого эксперимента, новая – бесполезна.

С незапамятных времен в России в мае месяце на Троицын день городские и сельские девушки имеют обычай бросать в воду венки из зеленых листьев, которые каждая девушка сама должна сплести для себя, и смотреть на их предсказания. Если венок утонет – это знак, что девушка умрет, не выйдя замуж, в скором времени; если он поплывет, то она выйдет замуж, причем время зависит от числа стихов, сколько она успеет повторить во время этого эксперимента. Мы определенно подтверждаем, что нам лично известны несколько случаев, – два из них с нашими близкими друзьями, – когда это предсказание смерти оказалось правдивым, и девушки *умерли* в течение 12 месяцев. В другой день, не только на Троицу, результат, несомненно,

[80] Джеймс Эсдейл (1808–1859) – шотландский хирург, проработал двадцать лет в Ост-Индской компании в Бенгалии, является заметной фигурой в истории «животного магнетизма». В 1848 г. специально для работы Эсдейла в Калькутте была открыта месмерическая больница. Она была закрыта через 18 месяцев, но Эсдейл продолжал практиковать месмеризм, пока не покинул Индию в 1851 г.

[81] Мононгахила – река на севере центральной части штата Западная Виргиния и на юго-западе штата Пенсильвания (США).

[82] Сообщение об этом случае появилось во многих газетах Америки в июле-августе 1877 г., перепечатанное из газеты «Pittsburgh Dispatch».

был бы тот же самый. Погружение венка в воду можно приписать тому, что он насыщен нездоровым магнетизмом организма, таящего в себе зачатки ранней смерти, такой магнетизм обладает притяжением к земле на дне потока. Что же касается остального, то мы согласны оставить это для друзей совпадений.

Общее замечание по поводу того, что суеверия имеют научную основу, приложимо к феноменам, производимым факирами и фокусниками, которые скептики сваливают в одну кучу под общим названием трюкачества. И все же более внимательному наблюдателю, даже непосвященному, раскрывается громадная разница между *kīmiyā* (феноменами)[83] факира и *batte-bāz-i* (фокусничеством)[84] трюкача и некромантией *jādū-gar*[85], или *sāhir*[86], которого так боятся и презирают местные жители. Эта разница, неуловимая, вернее, непостижимая для скептичного европейца, инстинктивно ощущается каждым индусом, будь он из высокой или низкой касты, образован или неуч. *Kangālin*[87], или ведьма, которая пользуется своими страшными *abhi-chār*[88] (месмерическими силами) с целью причинить вред, может ожидать смерти в любой момент, так как каждый индус считает законным убить ее; *hukka-bāz*, или фокусник[89], служит для забавы. Меньше боятся заклинателя змей с его *bā'īni*[90], полной ядовитых змей, так как сила его чар простирается только на животных и пресмыкающихся; он не в состоянии зачаровать человеческие существа, не может совершить то, что туземцы называют *mantar phūnknā*[91], то есть навести чары на людей с помощью магии. Но с йогами, саньяси, святыми людьми, которые приобретают огромные психические силы путем ментальной и физической тренировки, дело обстоит совсем по-другому. Некоторых из них индусы почитают как полубогов. Европейцы не могут судить об этих силах за исключением редких и исключительных случаев.

Британскому подданному, сталкивающемуся на *майданах* и в публичных местах с теми, кого он считает ужасными и отвратительными человеческими существами, которые сидят без движения в добровольно принятом истязании с воздетыми над головой руками в течение месяцев и даже лет (*ūrdhva bāhu*)[92], не следует думать, что это факиры-чудотворцы. Феномены последних можно увидеть только через дружескую протекцию брамина или же при особых, случайных обстоятельствах. Такие люди так же мало доступны, как настоящие храмовые танцовщицы, о которых каждый путешественник рассказывает, но редко кто на самом деле видел, так как они принадлежат только пагодам.

Чрезвычайно странно, что, несмотря на тысячи путешественников и миллионы европейских поселенцев, которые были в Индии и пересекали ее по всем направлениям, так мало еще известно об этой стране и о землях, ее окружающих. Возможно, что некоторое читатели будут склонны не только подвергнуть сомнению правильность нашего утверждения, но даже открыто возразить ему? Несомненно, нам ответят, что всё, что желательно знать об Индии, уже известно? Фактически так нам лично однажды и ответили. Что постоянно живущие в стране англо-индийцы не должны заниматься ознакомлением – в этом нет ничего странного, ибо, как однажды нам сказал

---

[83] См.: «Kīmiyā – чудеса» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 2235).

[84] «Batte-bāz-i – представление фокусника» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 285).

[85] «Jādū-gar – чародей, волшебник, маг, колдун» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 754).

[86] «Sāhir – чародей, маг, колдун, волшебник» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 1228).

[87] «Kangālin – ведьма, колдунья» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English, and English and Hindūstānī. London, 1849. P. 2238).

[88] «Abhi-chār – магия со злыми намерениями, колдовство для уничтожения или ранения» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 16).

[89] «Hukka-bāz – фокусник» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 961).

[90] «Bā'īni – корзина, в которой носят змей для показа» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 279).

[91] «Mantar phūnknā – очаровать с помощью магии» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 2265).

[92] См.: *Monier-Williams M.* A Sanskṛit-English Dictionary. Oxford, 1872. P. 178 (*Монье-Вильямс М.* Санскритско-английский словарь. Оксфорд, 1872. С. 178).

Монье Монье-Вильямс (1819–1899) – британский индолог и санскритолог.

британский чиновник, «общество не считает признаком хорошего воспитания, если человек интересуется индусами или их делами, или даже выказывает удивление, или желает получить информацию насчет чего-либо, что может показаться в этой стране из ряда вон выходящим». Но нас действительно удивляет, что, по крайней мере, путешественники не исследовали подробнее этот интересный мир. Каких-нибудь 50 лет тому назад, проникнув в джунгли Голубых, или Нилгирийских, холмов Южного Индостана во время охоты на тигров, два отважных британских офицера открыли странное племя, совершенно отличное и по внешности и по языку от любого другого индусского народа. Было высказано много догадок, более или менее нелепых, и миссионеры, которые всегда наготове, чтобы всякую вещь увязать со своей *Библией*, даже зашли так далеко, что высказали мысль, что этот народ не что иное, как одно из утерянных колен Израилевых, подкрепляя свою смешную гипотезу их очень светлым цветом лица и «сильно заметными еврейскими чертами». Последнее – полнейшее заблуждение, так как тоды, как их называют, не имеют ни малейшего сходства с еврейским типом в чертах, телосложении, поведении или языке. Они очень похожи друг на друга, и, как один наш друг выразился, самые красивые из тодов напоминают собой по величию и красоте телосложения статую греческого Зевса[93], более чем кто-либо другой, кого ему приходилось видеть среди людей[94].

Со времени этого открытия прошло пятьдесят лет, но, хотя с тех пор города были построены на тех холмах и страна была наводнена европейцами, о тодах узнали не больше того, что было известно в самом начале. Среди глупых слухов, распущенных по поводу этого племени, наиболее ошибочны слухи, касающиеся их численности и практики полиандрии. О них сложилось общее мнение, что вследствие последней их количество уменьшилось до нескольких сот семейств и что это племя быстро вымирает. Мы получили отличную возможность многое узнать о них и поэтому решительнейшим образом утверждаем, что тоды не практикуют полиандрию и не являются столь малочисленными, как предполагают. Мы готовы доказать, что никто никогда не видел детей, принадлежащих им. Те дети, которых могли увидеть в их сообществе, принадлежали бадагам, индусскому племени, совершенно отличному от тодов и по происхождению, и по цвету, и по языку, которое заключает в себе наиболее преданных «поклонников» этого необычного народа. Мы говорим *поклонников,* ибо бадаги одевают, кормят, обслуживают и взаправду смотрят на каждого тода как на божество. Они гигантского роста, белы, как европейцы, с чрезвычайно длинными и обычно коричневыми волнистыми волосами и бородами, которых с детства никогда не касалась бритва. Прекрасные, как статуи Фидия или Праксителя, тоды целыми днями сидят бездеятельно, как утверждают некоторые путешественники, которым удалось взглянуть на них. Из многих противоречивых мнений и сообщений, которые мы услышали от самих жителей Утакаманда и других небольших новых очагов цивилизации, разбросанных вокруг Нилгирийских холмов, мы отобрали следующее:

«Они никогда не пользуются водой; они удивительно красивы и благородны по внешности, но чрезвычайно грязны; в отличие от всех других туземцев они презирают драгоценные украшения и никогда не носят ничего другого, кроме большого куска черной ткани или одеяла из какой-нибудь шерстяной материи с цветной полосой по краю; они кроме чистого молока ничего другого не пьют; они держат стада скота, но не едят его мяса и не превращают его в рабочую скотину для пахоты или другой работы; они не продают и не покупают; бадаги кормят и одевают их; они никогда не пользуются оружием, не носят его – даже простой палки; они не умеют читать и не желают учиться. Они приводят в отчаяние миссионеров и, по-видимому, не имеют никакой религии, кроме поклонения самим себе, как Господам Творения»[95].

---

[93] У.Л.Д.Грейди.

[94] См. о тодах: *Блаватская Е.П.* Загадочные племена. Три месяца на «Голубых горах» Мадраса // Русский вестник, 1884, №12; 1885, №1–4.

[95] См.: «Индийские зарисовки»[*]; «Новая энциклопедия» Эпплтона[**] и т.д. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: *Hadji Nicka Bauker Khan.* Indian Sketches; or Rubs of a Rolling Stone. Life of the East // Commercial Bulletin, December 9, 1876.

[**] См.: Neilgherry Hills, or Neilgherries (Blue Mountains) // The New American Cyclopædia. Vol. XII. New York, 1861. P. 173 (Холмы Нилгири, или Neilgherries (Голубые горы) // Новая американская циклопедия. Т. XII. Нью-Йорк, 1861. С. 173).

Мы попытаемся исправить некоторые из этих мнений тем, что мы узнали от человека большой святости, брахмана-гуру, которого мы очень уважаем.

Никто не видел их в количестве больше пяти-шести человек сразу; они не будут разговаривать с иностранцами, и ни один путешественник никогда не был внутри их своеобразных длинных и плоских хижин, которые, по-видимому, не имеют ни окон, ни дымовых труб, а только одну дверь; никто никогда не видал похорон тода, так же как и старого человека среди них; также они не заболевают холерой, когда тысячи людей вокруг них умирают в течение таких периодических эпидемий; наконец, хотя страна вокруг них кишит тиграми и другими дикими зверями, никто никогда не слыхал, чтобы тигр, змея или какие-нибудь другие животные, столь свирепые в тех краях, тронули тода или его скот, хотя, как мы уже упомянули, они не пользуются даже палкой.

Кроме того, тоды совсем не женятся. Кажется, что они малочисленны, ибо никто никогда не имел возможности их сосчитать; как только их уединенность была осквернена лавиной цивилизации, – что, возможно, произошло по их собственной беззаботности, – тоды начали перебираться в другие места, такие же неизвестные и еще более недоступные, чем до этого Нилгирийские холмы; они не рождаются от тодов-матерей или от тодов-родителей; они – дети некой избранной секты и с детства отбираются для особенных религиозных целей. Опознаваемое по своеобразному цвету кожи и по другим определенным признакам, такое дитя с рождения известно как то, что в народе называют тодом. Каждый третий год любой из них должен удалиться в определенное место на определенное время, где все они должны встретиться. Их «грязь» – только маска, такая же, какую публично налагает саньяси в исполнение своего обета; их скот большей частью предназначен для священного использования; и хотя в местах их поклонения никогда не ступала нога непосвященного, – эти места тем не менее существуют и, возможно, соперничают с самыми величественными пагодами – *гопарами*, известными европейцам. Бадаги – это их специальные вассалы и, как верно уже было сказано, поклоняются им как полубогам, ибо их рождение и таинственные силы дают им право на такое отличие.

Читатель может быть уверен, что любые заявления, касающиеся их, которые противоречат тому малому, что дано выше, являются ложными. Ни один миссионер не поймает тода на свою приманку, и ни один бадаг не предаст его, хотя бы его резали на куски. Это народ, выполняющий определенное высокое задание, и секреты его нерушимы.

Кроме того, тоды не единственное таинственное племя в Индии. Несколько мы назвали в одной из предыдущих глав, но сколько их еще останутся неназванными, непризнанными, но все же существующими!

Сегодня о шаманизме известно очень немного; и это искажено, как и остальное, касающееся нехристианских религий. Его называют «язычеством» Монголии и совсем необоснованно, ибо это одна из древнейших религий Индии. Это – поклонение духам или вера в бессмертие душ и в то, что последние всё еще остаются теми же людьми, какими они были на земле, несмотря на то, что их тела утеряли свою объективную форму и человек сменил свою физическую природу на духовную. В своем нынешнем виде он представляет собой боковую ветвь первоначальной теургии и слияние на практике видимого с невидимым миром. Каждый раз, когда обитатель земли желает вступить в общение со своими невидимыми братьями, он должен приспособиться к их природе, то есть он встречает этих существ на полпути и, получая от них долю духовной сущности, в свою очередь наделяет их частью своей физической природы, таким образом делая их способными иногда появляться в полуобъективной форме. Это временный обмен естествами, называемой теургией. Шаманов называют колдунами, потому что они, как поговаривают, вызывают духов умерших в целях некромантии. Об истинном шаманизме, – поразительные черты которого преобладали в Индии в дни Мегасфена (300 лет до Р.Х.), – можно судить по его выродившимся потомкам среди шаманов Сибири не более, чем о религии Гаутамы Будды по фетишизму некоторых из его последователей в Сиаме и Бирме. Именно в главных ламасериях Монголии и Тибета он нашел себе прибежище; и там шаманизм, если так мы должны называть его, практикуется до самых крайних пределов общения, дозволенного между человеком и «духом». Религия лам верно сохранила первоначальную науку *магии* и производит теперь такие же великие явления, как в дни Хубилай-хана и его баронов. Древняя мистическая формула царя Сонгцэн

Гампо[96] «Ом мани падме хум»[97] творит чудеса ныне так же, как и в седьмом веке. Авалокитешвара, высочайший из трех Бодхисаттв и святой покровитель Тибета, полностью отбрасывает свою тень перед взором верных в монастыре Dga' ldan[98], им основанном[99]; и сияющая форма Цонкапы в виде огненного облачка, который отделяется от переливающихся солнечных лучей, ведет беседу с большим, в несколько тысяч, собранием лам; голос спускается сверху подобно шепоту ветерка, проходящего по листьям. Вскоре, говорят тибетцы, прекрасное явление исчезает среди теней священных деревьев в парке ламасерия.

Говорят, что в Garma-Khian (матерь-монастырь) в определенные дни плохих и отсталых духов *заставляют* явиться и отчитываться за свои злые деяния; ламаистские адепты принуждают их исправлять зло, причиненное ими смертным. Это есть то, что Гюк наивно называет «олицетворением злых духов», то есть чертей. Если бы скептикам различных стран Европы было позволено заглядывать в отчеты, ежедневно печатаемые[100] в Муру[101] и «Городе Духов», по поводу деловых сношений лам с невидимым миром, они, несомненно, ощутили бы больше интереса к триумфально описываемым феноменам в спиритуалистических журналах. В Будда-ла или, вернее, в Фо-ла (гора Будды), в наиболее значительном из многих тысяч ламасериев этой страны, можно увидеть скипетр Бодхисаттвы, плавающим в воздухе без опоры[102], и его движения регулируют деяния общины. Каждый раз, когда какого-либо ламу призывают к ответу в присутствии главы монастыря, он уже заранее знает, что бесполезно говорить неправду, ибо «восстановитель справедливости» (скипетр) находится там и своим машущим движением, одобряющим или порицающим, решает мгновенно и безошибочно вопрос его виновности. Мы не заявляем, что были свидетелями всему этому лично – мы ни на что не претендуем. Но достаточно по отношению к любому из этих феноменов, что то, что мы не видели собственными глазами, было настолько основательно доказано нам, что мы полностью признаем их подлинность.

Ряд лам в Сиккиме посредством магических сил творят *мейпо* – «чудеса». Покойный патриарх Монголии гэгэн-хутухта[103], пребывающий в Урге, истинном раю, был шестнадцатым воплощением Гаутамы, следовательно – Бодхисаттвой. Он, как поговаривали, обладал силами, которые были феноменальны даже среди тавматургов страны чудес *par excellence*. Пусть никто не думает, что эти силы развиваются даром. Жизни большинства этих святых людей, – неправильно названных праздношатающимися бродягами, нищими-обманщиками, которых считают проводящими свои жизни, эксплуатируя легковерие своих жертв, – сами по себе являются чудом. Чудом, ибо они показывают, что могут совершить полная решимости воля и совершенная чистота жизни и цели, и какой степени сверхъестественного аскетизма может быть подвергнуто человеческое тело и все-таки жить и достигать почтенной старости. Никакому христианскому отшельнику никогда даже не снилось такое совершенство монашеской дисциплины; и воздушная

---

[96] Сонгцэ́н Гампо́ – тридцать третий царь Ярлунгской династии Тибета, правивший приблизительно в 604–650 гг. Считается, что этот царь принес буддизм народу Тибета.

[97] *Ом* (мистический санскритский термин Троицы)[*], *мани* (священная драгоценность), *падме* (в лотосе, так как падма – название лотоса), *хум* (да будет так). Шесть слогов в этой фразе соответствуют шести главным силам природы, эманирующим из Будды (Абстрактное Божество, не Гаутама), который является *седьмым*, Альфой и Омегой бытия. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Aum.

[98] Ганден (*вайли* dga' ldan) – монастырь на горе Вангбур в 47 км к востоку от Лхасы в Тибете, один из самых крупных буддийских монастырей и знаменитый университет школы гелуг тибетского буддизма, а также место паломничества. Название «Ганден» – это тибетский перевод санскритского «Тушита», легендарной обители Будды Майтреи. Находится на высоте 4500 м.

[99] См.: Lamaism // The New American Cyclopædia. Vol. X. New York, 1861. P. 261.

[100] Муру (чистый) – один из наиболее знаменитых ламасериев Лхасы, находящийся в центре города. Там шаберон Далай-лама пребывает бóльшую часть зимних месяцев. В течение двух или трех месяцев теплого времени ему обителью служит Фо-ла. В Муру находится величайшая типография страны. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[101] Муру Ньингба.

[102] См.: Lamaism // The New American Cyclopædia. Vol. X. New York, 1861. P. 264.

[103] Бóгдо-гэгэ́н (*монг.* Богд гэгээн – «светлейший Владыка») – исторический глава буддийской сангхи Монголии, один из высших лам традиции гелуг, глава традиции джонанг. Третье, после Далай-ламы и Панчен-ламы, лицо в тибетском буддизме.

Хуту́хта или Куту́кту (*монг.* хутагт – «святой») – один из двух, наряду с гэгэном, важнейших титулов, которые жалуются в Монголии буддийским хубилганам («перерожденцам»).

обитель Симона Столпника показалась бы детской игрой перед изобретениями факиров и буддистов для испытания воли. Но теоретическое изучение магии – это одно, а возможность применять ее на практике – это совсем другое. В *Bras-spungs*[104], монгольском училище, где более трехсот магов (*колдунов,* как французские миссионеры их называют) обучают примерно вдвое больше учеников в возрасте от двенадцати до двадцати лет, последним приходится многие годы ждать своего окончательного посвящения. Даже не один из сотни достигает высшей цели; и из многих тысяч лам, занимающих почти целый город из отдельных домов, ютящихся около него, не более двух процентов становятся чудотворцами. Можно выучить наизусть каждую строчку 108 томов *Канджура*[105] и все же быть плохим магом на практике. Существует один путь, несомненно ведущий к этому, и на это особое изучение намекает не один герметический писатель. Один из них, аравийский алхимик Алипили[106], говорит так: «Я советую тебе, кто бы ты ни был, желающий нырнуть в самые сокровенные части природы, если того, что ты ищешь, ты не найдешь *внутри себя,* то ты *никогда не найдешь его вне себя*. Если ты не знаешь превосходства твоего собственного дома, зачем ты ищешь превосходства других вещей?.. **О человек, познай самого себя! В тебе самом скрыто сокровище сокровищ**»[107].

В другом алхимическом трактате, *De Manna Benedicto,* автор выражает свои идеи о Философском Камне в следующих словах: «По некоторым причинам в мои намерения не входит слишком много болтать о предмете, который представляет всего только одну вещь, уже слишком ясно описанную, ибо она выявляет и обнаруживает такие магические и натуральные применения его (Камня), что многие, кто имел его, никогда не знали и не слыхали; и таковые, что когда я видел их, *они заставили задрожать мои колени и затрепетать сердце, и стоял я пораженный при виде их!*»[108]

Каждый неофит в большей или меньшей степени испытывал такое ощущение, но раз оно преодолено, человек уже – **адепт**.

В монастырях Ташилунпо[109] и Си-Цанга[110] эти силы, присущие каждому человеку, но вызванные к действию столь немногими, культивируются до полного совершенства. Кто в Индии не слыхал о Панчен Ринпоче, *хутухты* из столицы Верхнего Тибета[111]? Его братство Khe-lan прославилось на всю страну, и одним из наиболее знаменитых «братьев» был *peh-ling*

---

[104] Дрепу́нг (*вайли* 'Bras-spungs) – монастырь в пригороде Лхасы в Тибетском автономном районе Китая, примерно в 10 км от города. Самый крупный буддийский монастырь и университет школы гелуг тибетского буддизма, а также место паломничества. Ранее Дрепунг был одним из трех государственных «великих» монастырей, с подворьями по всему Тибету и за его пределами. Территория монастыря составляет 200 тыс. м².

[105] Буддийский большой канон, содержащий 1083 труда в нескольких сотнях томов, из которых многие трактуют о магии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[106] Али Пули, также известный как Алипили, является автором ряда алхимических и герметических текстов XVII в. Однако его историческое существование сомнительно. Он описывается как мавританский христианин азиатского происхождения, а также как араб и мавр. Скорее всего, Али Пули – это псевдоним Иоганна Отто фон Хельвига (1654–1698), немецкого врача, алхимика и писателя.

[107] *Hitchcock E.A.* Swedenborg, a Hermetic Philosopher. New York, 1858. P. 33–34.

[108] Tractatus de Lapide, Manna Benedicto // Aurifontina Chymica, or, A Collection of Fourteen Small Treatises Concerning The First Matter of Philosophers, For The Discovery of Their. London, 1680. P. 120–121 (Трактат о Камне, Благословенная Манна // Aurifontina Chymica, или Сборник из четырнадцати небольших трактатов, касающихся первостепенных задач философов для раскрытия их. Лондон, 1680. С. 120–121).

Цит. по: *Hitchcock E.A.* Swedenborg, a Hermetic Philosopher. New York, 1858. P. 34–35.

[109] Ташилунпо́ – один из крупнейших буддийских монастырей, находится возле Шигадзе. Он построен в 1447 г. и традиционно является резиденцией Панчен-ламы, второго по значимости иерарха-тулку школы Гелуг после Далай-ламы. Панчен-лама является Эманацией будды Амитабхи.

[110] Западный Цанг – один из регионов Тибета.

[111] Лобсанг Чокьи Гьялцен (1570–1662) – Панчен-лама IV, первый из прижизненных носителей этого титула. Чокьи Гьялцен был нетитулованным, однако знающим ламой монастыря Ташилунпо. Когда в 1603 г. в лхасский монастырь Дрепунг из Халхи был доставлен на обучение Далай-лама IV, Чокьи Гьялцен стал его основным наставником. В знак благодарности Далай-лама дал ему титул «Панчен Ринпоче», то есть «Драгоценный великий пандита». После скоропостижной смерти Далай-ламы IV Чокьи Гьялцен стал наставником следующего, пятого Далай-ламы, а в начале 1650-х гг. и другого именитого тулку – перерождения Таранатхи, монгола Дзанабадзара. За время жизни Чокьи Гьялцен оставил более трехсот работ.

(англичанин)[112], который однажды в первой половине этого века прибыл с Запада; он был убежденным буддистом и после месячной подготовки был принят в Khe-lan. Он говорил на всех языках, включая тибетский, знал все искусства и науки, гласит предание. Его святость и творимые им феномены послужили причиной тому, что он был провозглашен шабероном по истечении лишь нескольких лет. Память о нем живет среди тибетцев и по сей день, но настоящее его имя известно только лишь шаберонам[113].

Величайшим *мейпо,* – являющимся, как говорят, целью устремлений каждого преданного буддиста, – было и всё еще есть способность хождения по воздуху. Знаменитый царь Сиама Пиа Метак[114], китаец, отличался своей преданностью религии и ученостью. Но он достиг этого «сверхъестественного дара» только после того, как подчинился непосредственному обучению священнослужителем Гаутамы Будды. Крауфорд и Финлейсон[115] в течение своего пребывания в Сиаме с огромным интересом следили за усилиями некоторых сиамских высокопоставленных лиц приобрести эту способность[116].

Многочисленны и различны в Китае, Сиаме, Татарии, Тибете, Кашмире и Британской Индии секты, которые посвящают свои жизни культивированию так называемых «сверхъестественных сил». Обсуждая одну из таких сект, Семеду говорит о *Taossé*[117]: «Они заявляют, что посредством определенных упражнений и медитаций человек снова обретет молодость; другие достигают состояния *Shien-sien*[118], то есть " Terrestrial Beati"[119], в каковом состоянии все желания получают удовлетворение, тогда как они обладают способностью переноситься с одного места на другое быстро и легко, *как бы далеко то не было*»[120]. Эта способность относится только к *проекции астральной сущности* в более или менее уплотненном состоянии и, конечно же, не к телесному перемещению. Этот феномен является чудом не более, чем чье-либо отражение в зеркале. Никто не может отыскать в таком отражении ни одной частицы материи, и все же там стоит наш двойник, в точности представляющий нас до последнего волоска на голове. Если по этому простому закону отражения наш двойник становится видимым в зеркале, то насколько более поразительным доказательством снабжает нас фотографирование! *Если наши физики еще не нашли способов фотографировать иначе, как только с небольшого расстояния, то это не значит, что это достижение недоступно тем, кто обнаружили эти способы в силе самой*

---

[112] См.: «P'yi-gliṅ – чужбина, чужая далекая страна и особенно Европа» (*Jäschke H.A.* A Tibetan-English Dictionary. London, 1881. P. 106 (*Йешке Г.А.* Тибетско-английский словарь. Лондон, 1881. С. 106)).

Генрих Август Йешке (1817–1883) – миссионер и востоковед, автор перевода Библии на тибетский язык и видный исследователь этого языка.

[113] Скорее всего, речь идет о Александре Чома де Кёрёше.

[114] Таксин, также Таксин Великий (1734–1782) – король Сиама с 1768 г., освободитель Сиама от бирманского правления.

[115] Джордж Финлейсон (1790–1823) – шотландский натуралист и путешественник, известен исследованиями растений, животных и людей южного Таиланда и Малайского полуострова.

[116] «Миссия Кроуфорда в Сиаме», с. 182. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Crawfurd J.* Journal of an Embassy from the Governor-general of India to the Courts of Siam and Cochin China. London, 1828. P. 182.

[117] В книге Семеду: Tausi; даосизм или учение Дао (*пиньинь* dàojiào).

Да́о (*кит.* Путь) – одна из важнейших категорий китайской философии. В зависимости от контекста, наиболее близкими интерпретациями термина могут быть такие понятия как: путь, духовный путь, жизненный путь человека, Абсолют и его вечное действие. Наиболее известная даосская интерпретация Дао как Абсолюта содержится в трактате «Дао дэ цзин» где Дао даются такие характеристики как: неизреченное, пустое, невидимое, вечное, начало всех вещей. Конфуций и ранние конфуцианцы придали термину Дао этическое значение, истолковывая его как «путь человека», то есть нравственное поведение и основанный на морали социальный порядок.

[118] В книге Семеду: Xin Sien.

Shénxiān (*кит.* шэньсянь) – божественные (святые) бессмертные.

[119] «Земного Благословенного» (*лат.*).

[120] Семеду, с. 111, 114. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: Relatione della grande monarchia della Cina del p. Alvaro Semedo portughese della Compagnia di Giesù. Rome, 1643. P. 111 (Отчет о великой монархии Китая отца Алвару Семеду, португальца из Общества Иисуса. Рим, 1643. С. 111).

Цит. по: The Book of Ser Marco Polo, the Venetian: Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. Newly translated and Edited, with Notes, Maps and Other Illustrations by Colonel Henry Yule. Vol. I. London, 1875. P. 314–315.

Алвару Семеду (1585–1658) – португальский иезуит, миссионер в Китае, синолог и писатель.

человеческой воли, освободившейся от земных интересов[121]. Наши мысли – это *материя,* говорит наука; каждая энергия в большей или меньшей степени создает нарушение в атмосферных волнах. Поэтому, так как каждый человек – как и каждый другой живой и даже инертный предмет – имеет *ауру* из своих собственных эманаций, окружающих его, и, кроме того, способен, пустяковым усилием, перенестись в *воображении* куда ему угодно, то почему же будет научно невозможным, что его мысль, управляемая, усиленная и направляемая тем могущественным магом, его образованной **волей**, может уплотниться на какое-то время и явиться к кому хочет в виде копии своего оригинала? Является ли данное утверждение при нынешнем состоянии наук более немыслимым, чем были фотография и телеграф менее чем сорок лет тому назад или телефон – менее четырнадцати месяцев тому назад?

Если чувствительная пластинка может с такой точностью запечатлеть *тень* наших лиц, тогда эта тень, или отражение, хотя мы не в состоянии воспринять ее, должна представлять собой нечто вещественное. И если мы можем с помощью оптических инструментов проецировать наши *подобия* на белую стену с расстояния нескольких сотен футов, то нет причины, почему адепты, алхимики, ученые сокровенного знания, не могли уже обнаружить то, что ученые отрицают сегодня, но могут открыть завтра, а именно – как электрически проецировать свои астральные тела в мгновение ока через тысячемильное пространство, оставляя свои материальные оболочки с некоторой долей животного Жизненного Принципа для поддержания в нем физической жизни и действуя в своих духовных, эфирных телах так же безопасно и разумно, как они действовали, когда были покрыты плотью? Существует более высокая форма электричества, чем физическое электричество, известное экспериментаторам; тысячи коррелятов последнего пока еще скрыты от глаза современного физика, и никто не может сказать, где кончаются его возможности.

Шотт объясняет, что под терминами *Sian,* или *Shin-sian*[122], в старых китайских понятиях, а в особенности в понятиях секты Tao-Kiao (Taossé)[123], подразумеваются «люди, удалившиеся в горы, чтобы вести жизнь отшельников, и достигшие путем аскетической жизни или посредством мощи чар и эликсиров обладания чудесными способностями и земным *бессмертием*»[124] (?). Это преувеличено, если и не совсем неправильно. На что они претендуют, так это только на способность продлить человеческую жизнь, и это они в состоянии сделать, если верить человеческим свидетельствам. То, о чем свидетельствовал Марко Поло в тринадцатом веке, подтверждается в наши дни. «Есть другой класс людей, называемый *Chughi* (йоги), – говорит он, – которых в самом деле называют *Abraiaman* (брамины?), которые чрезвычайно долго живут: каждый из них доживает до 150 или 200 лет. Они очень мало едят, главным образом, рис и молоко. И эти люди пользуются очень странным напитком, лекарством из серы и ртути, смешанными

---

[121] Между 1838 и 1840 годами среди друзей Дагера[*] был популярен один анекдот. На одном званом вечере, приблизительно месяца за два до того, как знаменитый способ Дагера был представлен Академии наук (что сделал Араго в январе 1839 года), жена Дагера серьезно советовалась со знаменитыми врачами того времени по поводу умственного здоровья своего мужа. Рассказав врачу многочисленные симптомы того, что она считала признаками помешательства своего мужа, она со слезами на глазах добавила, что наибольшим доказательством сумасшествия Дагера для нее было его твердое убеждение, что ему удастся пригвоздить к стене свою собственную тень или закрепить ее на *магических* металлических пластинках. Врач внимательно выслушал сообщение и сказал, что он сам тоже недавно заметил в Дагере сильно выраженные признаки того, что, по его мнению, было несомненным доказательством сумасшествия. Он закончил беседу твердым советом ей потихоньку и немедля отправить мужа в Бисетр[**], в известную клинику для сумасшедших. Спустя два месяца показ ряда картин, снятых посредством нового способа, вызвал в мире науки и искусства глубочайший интерес. *Тени*, в конце концов, были закреплены на металлических пластинках и «сумасшедший» был провозглашен отцом фотографии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Луи Жак Манде Дагéр (1787–1851) – французский художник, химик и изобретатель, один из создателей фотографии.

[**] Бисéтр (фр. Bicêtre) – старинный французский замок, госпиталь, исправительный дом и тюрьма, находится недалеко от Парижа, известен с XIII в.; на протяжении истории неоднократно перестраивался и менял свое предназначение.

[122] шэньсянь.

[123] даосизм.

[124] Шотт «О буддизме», с. 71. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Schott W.* Über den Buddhismus in Hochasien und in China. Berlin, 1846. S. 71.

Цит. по: The Book of Ser Marco Polo, the Venetian: Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. Newly translated and Edited, with Notes, Maps and Other Illustrations by Colonel Henry Yule. Vol. I. London, 1875. P. 315.

вместе, и это они пьют два раза каждый месяц… Это, они говорят, дает им долгую жизнь; и они привыкли принимать это лекарство с детства»[125]. Бернье[126] показывает, говорит полковник Юль, что йоги приготовляли ртуть «столь искусно, что один или два грана, принимаемые каждое утро, возвращали телу полное здоровье»; и добавляет, что *mercurius vitae*[127] Парацельса[128] представляла собой состав, куда входили сурьма и ртуть[129]. Мягко говоря, это очень легкомысленное заявление, и мы поясним, что мы знаем об этом.

Долголетие некоторых лам и талапойнов вошло в пословицу; и общеизвестно, что они потребляют какой-то состав, который, как они говорят, «обновляет старую кровь». Также признанным фактом у алхимиков считалось, что рассудительное обращение с «*аурой серебра* действительно восстанавливает здоровье и в поразительной степени удлиняет саму жизнь». Но мы вполне готовы возразить против утверждений как Бернье, так и полковника Юля, который цитирует его, что йоги и алхимики употребляли именно *mercury*[130]. Йоги в дни Марко Поло так же, как и в наши дни, действительно, *принимают нечто, кажущееся ртутью, но это не ртуть*. Парацельс, алхимики и другие мистики подразумевали под *mercurius vitae* живой дух серебра, *ауру* серебра, а не *argent vive*[131], и эта *аура*, несомненно, не есть ртуть, известная нашим физикам и аптекарям. Не может быть никакого сомнения, что обвинение Парацельса во введении ртути в медицинскую практику в высшей мере неправомерно. Никакая ртуть, будь она приготовлена средневековым философом огня или современным самозванцем-физиком, не может возвратить и никогда не возвращала телу полное здоровье. Только самый отъявленный шарлатан может когда-либо применить такое лекарство. И многие считают, что именно в злобном намерении выставить Парацельса в глазах потомства в качестве *шарлатана* его враги выдумали такую отвратительную ложь.

Йоги древности так же, как современные ламы и талапойны, употребляют некий ингредиент с минимальным количеством серы и млечным соком, который они извлекают из одного лекарственного растения. Они, несомненно, должны обладать какими-то чудесными секретами, так как мы видели, как они в несколько дней исцеляли наиболее не поддающиеся лечению раны, сращивали сломанные кости до состояния полного отправления своих функций за такое количество часов, сколько дней понадобилось бы для этого методами обычной хирургии. Страшная лихорадка, полученная автором этих строк близ Рангуна после разлива реки Иравади[132], была вылечена в несколько часов соком растения, называемого, если не ошибаюсь, *kukushan*, несмотря на то, что там могут быть не знающие об его свойствах тысячи туземцев, которые предоставлены смерти от этой лихорадки. И это было сделано в благодарность за пустяковую услугу, которую мы оказали *простому странствующему монаху*, услугу, которая мало может интересовать читателя.

Мы также слышали о некой воде, называемой *āb-i-hayāt*[133], которую народное суеверие считает скрытой от глаз всех смертных, за исключением святых саньяси; сам источник ее известен

---

[125] «Книга сира Марко Поло», т. II, с. 352.

См.: The Book of Ser Marco Polo, the Venetian: Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. Newly translated and Edited, with Notes, Maps and Other Illustrations by Colonel Henry Yule. Vol. II. London, 1875. P. 351–352.

[126] Франсуа Бернье (1620–1688) – французский врач, философ, путешественник и писатель.

[127] ртуть жизни (*лат.*).

[128] См.: Paracelsi opera omnia medico-chemico-chirurgica, tribus voluminibus comprehensa. V. II. Geneuae, 1658. P. 19–20.

[129] Там же, т. II, с. 130[*]; цитируется полковником Юлем в т. II, с. 353[**]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: Voyages de F.Bernier contenant la description des Etats du Grand Mogol, de l'Indoustan, du royaume de Kachemire. T. II. Amsterdam, 1699. P. 129 (Путешествия Ф.Бернье, содержащие описание государств Великого Могола, Индостана, Кашмирского царства. Т. II. Париж, 1699. С. 129).

[**] См.: The Book of Ser Marco Polo, the Venetian: Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. Newly translated and Edited, with Notes, Maps and Other Illustrations by Colonel Henry Yule. Vol. II. London, 1875. P. 356.

[130] ртуть (*лат.*).

[131] ртуть (*фр.*).

[132] Крупнейшая река Мьянмы (Бирмы).

[133] «Āb-i-hayāt – вода жизни, источник жизни; мифический источник, скрытый от человека» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 7)

под названием *āb-i-haiwān-ī*[134]. Но более чем вероятно, что талапойны откажутся выдать свои секреты даже академикам и миссионерам, так как эти лекарства должны быть использованы ради блага человечества, но никогда – ради денег[135].

На больших празднествах индусских пагод, на свадебных пиршествах богатых высших каст – везде, где собираются большие толпы, европейцы видят гуни[136], или заклинателей змей, факиров-месмеризаторов, саньяси-чудотворцев и так называемых «фокусников». Высмеивать легко, объяснить – гораздо труднее, а для науки – невозможно. Британское население Индии и большинство путешественников предпочитают первый прием. Но пусть кто-нибудь спросит этих Фом неверующих, каким образом получаются следующие результаты, которых они не могут отрицать и не отрицают? Когда появляются толпы факиров и заклинателей змей с телами, обвитыми кобрами де капелло, руками, украшенными браслетами из *corallilo,* маленьких змеек, приносящих верную смерть в несколько секунд; плечами в ожерельях из наиболее страшных врагов босых ног индусов trigonocephalus[137], чей укус убивает молниеносно, – тогда свидетель-скептик улыбается и с серьезным лицом начинает объяснять, как у всех этих пресмыкающихся после того, как они были приведены в каталептическое оцепенение, гуни удалили ядовитые зубы. «Они безвредны, и смешно их бояться». «Не угодно ли сагибу[138] погладить одного из моих нагов?» – спросил однажды один гуни, приближаясь к нашему собеседнику, который до этого целых полчаса поражал своих слушателей своими герпетологическими познаниями. Ноги храброго воина, быстро отскочившего назад, доказали, что они не менее гибки, чем его язык, но едва ли мы можем обессмертить в печати сердитый ответ капитана Б., и только страшный

---

[134] «Āb-i-haiwān-ī – сказочный источник бессмертия (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 7).

[135] Ни одна страна в мире не может похвастаться бóльшим количеством лекарственных трав, чем Южная Индия, Кочин, Бирма, Сиам и Цейлон. Европейские врачи – в соответствии с давно установившимся обычаем – решают это дело профессионального соперничества, называя туземных докторов знахарями и шарлатанами, но это не препятствует последним успешно исцелять в случаях, в которых выдающиеся врачи, обладающие дипломами британских и французских медицинских институтов, терпели полную неудачу. Местные труды по Materia medica*, конечно, не содержат секретных лекарств, испокон веков известных и успешно применяемых туземными докторами (attibbā)**; и все же наилучшие жаропонижающие средства были получены британскими врачами от индусов, и там, где оглохшие и опухшие от злоупотребления хинином пациенты медленно умирали от лихорадки под наблюдением просвещенных врачей, кора маргозы*** и трава чирета**** излечивали их полностью и теперь занимают почетное место среди европейских лекарств. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Materia medica (*лат.* лекарственные вещества, медицинские вещества) – название, подразумевавшее прежде всего фармакологию в самом широком смысле, то есть совокупность всех неорганических и органических, химических и нехимических, простых и сложных тел, служащих в качестве медикаментов или употребляемых для образования или приготовления последних. Также под Materia medica понимали фармакогнозию – учение о роде, происхождении и приготовлении лекарственных средств, о методах их распознавания и фальсификации. Под таким названием также известно несколько научных сочинений, среди которых одна из наиболее известных работ – «Materia medica» К.Линнея (1749), содержащая систематизированные сведения о лекарственных средствах растительного происхождения.

** См: *Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 2287.

*** Ним, или Ниим, или Азадирахта индийская (*лат.* Azadirachta indica), также маргоза – древесное растение, вид рода Азадирахта (Azadirachta) семейства Мелиевые. Происходит из тропических и субтропических районов Пакистана, Бангладеша, Индии и Мьянмы. В Индии растение известно как «деревенская аптека», «божественное дерево» и «панацея от всех болезней». Продукция, сделанная из него, в аюрведической медицине считается глистогонным, противогрибковым, противобактериальным, противовирусным, антидиабетическим и успокоительным средствами; также препятствует образованию перхоти. Ним известен также как природный очиститель крови. Ствол, корни и кора обладают вяжущими, общеукрепляющими, противомалярийными свойствами. В аюрведической медицине средства, приготовленные из этого дерева, рассматриваются, как главные компоненты и особенно предписываются при болезнях кожи.

**** Андрографис метельчатый (*лат.* Andrographis paniculata), зеленая чирета – многолетнее травянистое растение рода Андрографис семейства Акантовых, произрастающее на полуострове Индостан и на острове Цейлон, культивируемое в Южной и Юго-Восточной Азии и традиционно использовавшееся в аюрведческой медицине для лечения различных инфекционных заболеваний.

[136] См.: «Gun-ī – ловец змей, очарователь змей, колдун, чародей» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 1725).

[137] Куфия треугольноголовая (Trimeresurus trigonocephalus) – ядовитая змея, распространена на Шри-Ланке.

[138] Сагиб – вежливое название европейца в колониальной Индии.

телохранитель гуни спас его от бесцеремонного побития. Кроме того, скажите только слово и за полрупии любой профессиональный заклинатель змей начнет ползать вокруг и в несколько мгновений созовет множество неприрученных змей наиболее ядовитых видов, возьмет их в руки и обовьет ими свое тело. В двух случаях поблизости от Тринкомали[139] змея чуть-чуть не укусила автора этих строк, которая однажды почти села ей на хвост, но в обоих случаях змея быстрым свистом гуни, которого мы наняли, чтобы он сопровождал нас, была остановлена едва ли в нескольких дюймах от нашего тела, как бы пораженная молнией, и, медленно опуская свою угрожающую голову на землю, застыла без движения, подобно мертвому суку, под заклинанием kīlnā[140].

Рискнет ли европейский фокусник, укротитель или даже месмеризатор повторить хотя бы один раз эксперимент, который вы можете ежедневно наблюдать в Индии, если знаете, куда пойти, чтобы увидеть его? Нет в мире ничего более свирепого, чем королевский бенгальський тигр. Однажды всё население небольшой деревушки недалеко от Дакки[141], расположенной в пределах джунглей, было приведено в панику появлением на рассвете громадной тигрицы. Эти дикие звери покидают свое логово только ночью, когда они выходят на поиски добычи и на водопой. Но это необычное появление было вызвано тем фактом, что тигрица была матерью, потерявшей двух тигрят, которых унес какой-то отважный охотник, и она вышла на их поиски. Двое мужчин и один ребенок уже стали ее жертвами, когда старый факир, собираясь в свой дневной поход, выходя из ворот пагоды, увидел ситуацию и с первого взгляда оценил ее. Напевая мантрам, он пошел прямо к зверю, который с горящими глазами и пенящейся пастью припал к земле вблизи дерева, готовый прыгнуть на новую жертву. Находясь примерно в десяти футах от тигрицы и не прерывая своей модулированной молитвы, слова которой ни один мирянин не понимает, он начал, как мы поняли, регулярный процесс месмеризации – он делал *пассы.* Затем мы услышали ужасающее завывание, которое холодом пронизало сердце каждого человеческого существа в том месте. Этот продолжительный, свирепый, растянутый вой постепенно стих и перешел в ряд жалобных, как бы разорванных рыданий. Точно эта ограбленная мать высказывала свои жалобы, и затем, к ужасу толпы, нашедшей убежище на деревьях и в домах, зверь совершил громадный прыжок – на святого человека, как они думали. Они ошиблись: она была у его ног, катаясь в пыли и подергиваясь. Еще несколько мгновений и она стала бездвижной; ее огромная голова покоилась на ее передних лапах, а ее кровью налитые, но теперь кроткие глаза приковались к лицу факира. Затем святой молящийся сел подле тигрицы и нежно гладил ее полосатый мех и похлопывал ее по спине до тех пор, пока ее стенания не стали все слабее и слабее, и спустя полчаса вся деревня стояла вокруг этой группы; голова факира покоилась на спине тигрицы, как на подушке; его правая рука лежала на ее голове, а левая была откинута на землю под ужасающей пастью, и высунувшийся оттуда длинный красный язык нежно ее облизывал.

Вот каким образом факиры укрощают самых диких зверей Индии. Могут ли европейские укротители с их раскаленными добела железными прутьями сделать то же самое? Конечно, не каждый факир наделен такой мощью – сравнительно немногие. Но все же действительное их количество большое. Как их для этого *обучают* в пагодах – останется вечным секретом для всех, кроме браминов и адептов оккультных тайн. Считавшиеся до сих пор баснями рассказы о том, как Кришна и Орфей очаровывали диких зверей, получают таким образом подтверждение в наши дни. Есть один факт, который остается неопровержимым. *Нет ни единого европейца* в Индии, который мог бы похвастать или когда-либо похвастал тем, что он проник в закрытое святилище *внутри* пагод. Ни власть, ни деньги никогда не могли побудить брамина разрешить непосвященному иностранцу перешагнуть порог сокровенного места. Применить в этом случае власть было бы равносильно бросанию зажженной свечи в пороховой склад. Индусы, кроткие, терпеливые, многострадальные, чья апатия спасла британцев от изгнания из страны в 1857 году, подняли бы

---

[139] Тринкома́ли́ – город-порт на северо-восточном берегу Шри-Ланки.

[140] Индусское название особой мантры или заклинания, удерживающего змею от укуса. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: «Kīlnā – зачаровать змею, чтобы предотвратить ее укус» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 1674).

[141] Да́кка – столица государства Бангладеш.

свои сотни миллионов приверженцев как одного человека при таком святотатстве; независимо от сект и каст они истребили бы всех христиан. Ост-Индская компания хорошо это знала и построила свою твердыню на дружбе с браминами и выплачивала субсидии пагодам; и британское правительство ведет себя так же благоразумно, как его предшественница. Именно касты и невмешательство в преобладающие религии обеспечивает его сравнительный авторитет в Индии. Но нам следует еще раз возвратиться к шаманизму, этой странной и наиболее презираемой из всех доживших до нашего времени религий – «поклонению духам».

У ее последователей нет ни алтарей, ни идолов, и, основываясь непосредственно на утверждении одного шамана-жреца, мы заявляем, что их подлинные обряды, которые они обязаны совершать только один раз в год в самый короткий день зимы, не могут состояться в присутствии иноверца. Поэтому мы уверены, что все описания, до сих пор печатавшиеся в *Asiatic Journal* и в других европейских журналах, – только домыслы. Русские, которые вследствие постоянных сношений с шаманами в Сибири и Татарии должны бы быть самыми компетентными людьми, чтобы судить об их религии, ничего не узнали за исключением личной искусности этих людей в том, что они наполовину склонны рассматривать как ловкое фокусничество. Однако многие проживающие в Сибири русские твердо убеждены в «сверхъестественных» силах шаманов. Каждый раз, когда они собираются для поклонения, это всегда происходит под открытым небом, на высоком холме или в укромной глуши леса, этим напоминая нам старинные обряды друидов. Их церемонии по случаю рождений, смертей и свадеб представляют собой только ничтожную часть их культа. В него входят жертвоприношения, обрызгивание огня спиртом и молоком и вещие гимны или, вернее, магические заклинания, запеваемые выполняющим церемонию шаманом и заканчиваемые хором всех присутствующих.

Многочисленные медные и железные колокольчики, которые они носят на жреческом одеянии из оленьей кожи[142] или кожи другого животного, считающегося магнетическим, применяются для того, чтобы прогнать вредоносных духов воздуха, – *суеверие,* разделяемое всеми народами древности, в том числе римлянами и даже евреями, о чем говорят их золотые колокола. По той же причине у них имеются железные посохи, также покрытые колокольчиками. Когда, после известных церемоний, желаемый кризис достигнут, «дух уже заговорил», и жрец (он может быть и мужчиной и женщиной) ощущает его непреодолимое влияние, рука шамана притягивается некой оккультной силой к верхнему концу посоха, который обычно покрыт иероглифами. Опираясь ладонью на этот посох, шаман поднимается в воздух на значительную высоту, где остается некоторое время. Иногда он подскакивает чрезвычайно высоко и в зависимости от «контроля», – ибо часто он только безответственный медиум, – изрекает пророчества и описывает будущие события. Так, например, в 1847 году в далекой глуши Сибири один шаман пророчествовал и предсказал с точными подробностями исход Крымской войны. Подробности этого предсказания, тщательно записанные в то время присутствующими при этом, были все проверены шесть лет спустя после этого события. Хотя обычно шаманы не знают даже самого названия астрономии, не говоря уже об изучении этой науки, они часто предсказывают затмения и другие астрономические явления. Когда у них просят совета по поводу краж и убийств, они неизменно указывают виновных.

---

[142] Между колоколами «языческих» поклонников и колоколами и гранатами иудейского культа разница заключается в следующем: первые кроме очищения души человека своими гармоническими тонами отгоняли *злых* демонов, «ибо звук чистой бронзы разрушает чары», говорит Тибулл (I, 8, 22)[*], а последние объясняли это, говоря, что звон колоколов «должен быть слышен (Господом), когда он (священнослужитель) будет входить во святилище пред лице Господне и когда будет выходить, чтобы ему не умереть» (Исход, XXVIII, 33; Экклезиастик, XLV, 9)[**]. Таким образом, один звук служил для того, чтобы не допускать злых духов, а другой – духа Иеговы. Скандинавские традиции подтверждают, что церковные колокола всегда выгоняют троллей из их обиталищ. Подобная традиция в отношении фей существует в Великобритании. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: «Чары грозят и Луну совлечь с ее колесницы, –
И одолели б ее, если б не гулкая медь…» (*Тибулл.* Эллегии, I, VIII, 22).
Цит. по: *Ennemoser J.* The History of Magic. Vol. I. London, 1854. P. 378.
А́льбий Тибу́лл (ок. 50 до н.э. – не позднее 18) – древнеримский поэт.

[**] См.: *Ennemoser J.* The History of Magic. Vol. I. London, 1854. P. 379.

В Сибири шаманы все невежественны и неграмотны. Шаманы Татарии и Тибета – их очень мало – большей частью по-своему ученые люди и не позволяют себе подпасть под контроль никаких духов. Первые являются *медиумами* в полном смысле этого слова, последние же – «маги». Неудивительно, что набожные и суеверные люди, увидев один из таких кризисов, заявляют, что шаман был одержим бесом. Точно так же как в случаях корибантского и вакхического исступления у греков древности, «духовный» кризис шамана проявляется в буйном танце и дикой жестикуляции. Мало-помалу в зрителях возникает дух подражания; охваченные неотразимым импульсом, они тоже танцуют и в свою очередь приходят в экстаз; и тот, кто начал с того, что присоединился к хору, постепенно и бессознательно начинает участвовать в жестикуляции до тех пор, пока не падает на землю истощенный и часто умирающий.

«О, младая дева! ты одержима богом! Это или Пан, или Геката, или почтенные корибанты, или Кибела, что возбуждает тебя!» – поет хор, обращаясь к Федре у Еврипида[143]. Эта форма психологической эпидемии слишком хорошо известна еще со времен Средневековья, чтобы приводить ее примеры. *Chorea sancti Viti*[144] – исторический факт, и она распространилась по всей Германии. Парацельс вылечил значительное количество людей, одержимых таким духом подражания. Но он был каббалистом и поэтому был обвинен своими врагами в изгнании бесов силой еще более мощного демона, которого он якобы носил при себе в рукоятке своей шпаги. Христианские судьи того ужасного времени нашли более хорошее и верное лекарство. Вольтер заявляет, что в области Юры[145] между 1598 и 1600 годами набожные судьи предали смерти более 600 ликантропов[146].

Но в то время как безграмотный шаман является жертвой и в течение своего кризиса иногда видит присутствующих лиц в виде различных животных и часто заставляет их разделять свою галлюцинацию, его брат-шаман, сведущий в тайнах жреческих училищ Тибета, *выгоняет* элементарных тварей, которые могут создавать галлюцинации, точно так же, как живой месмеризатор, не с помощью более сильного демона, а просто знанием природы невидимого врага. Там, где академики терпели неудачу, как, например, в случае Севенны, шаман или лама скоро пресекли бы эту эпидемию.

Мы уже упомянули принадлежащий нам сердолик, который оказал такое неожиданное и благоприятное влияние на решение шамана. Каждый шаман имеет такой талисман, который он носит на шнурке под левой рукой.

«Какую пользу он приносит тебе и каковы его свойства?» – мы часто спрашивали нашего проводника. На это он никогда не отвечал прямо, уклонялся от всяких объяснений, обещая, что как только представится случай и мы будем одни, он попросит камень *ответить самому за себя*. С такой очень неопределенной надеждой нам только оставалось прибегать к собственному воображению.

Но день, когда камень «заговорил», настал очень скоро. Это произошло в наиболее критические часы нашей жизни, в то время когда бродяжническая натура путешественника увлекла пишущую эти строки в далекие страны, где неизвестна цивилизация и безопасность не может быть гарантирована даже на один час. Однажды после обеда, когда все мужчины и женщины ушли из *юрты* (татарская палатка), служившей нашим домом более двух месяцев, чтобы быть свидетелями церемонии ламаистского изгнания Tshoutgour[147], обвиняемого в том, что

---

[143] См.: «Бредом, царица,
Пана бредом объята,
Или Гекаты*, иль горной
Реи**, иль стаи грозной
Бредом полна корибантов ты...» (*Еврипид.* Ипполит; перевод И.Анненского).

[*] Гека́та – анатолийская и фракийская богиня Луны, преисподней, всего таинственного, магии и колдовства.

[**] По совету Геи и Урана Рея родила Зевса в области Ликтос, спрятала на горе Дикте; либо родила его тайно в пещере на острове Крит, на горе Дикта; либо, когда была беременна, прибыла на гору Тавмасион в Аркадии, охраняемая гигантами (там была пещера Реи), а Зевса родила на горе Ликее.

[144] Пляска святого Вита (*лат.*).

[145] Юра – горный массив в Северо-Западной Швейцарии и Восточной Франции.

[146] См.: Demon // The New American Cyclopædia. Vol. VI. New York, 1861. P. 371.

[147] Элементарный демон*, в которого верят все туземцы Азии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

он поломал и тайно похитил всю скудную мебель и горшки у семьи, проживавшей на расстоянии двух миль, мы напомнили шаману, оставшемуся единственным нашим защитником в этих мрачных пустынях, о его обещании. Он вздохнул и колебался, но после краткого молчания оставил свое место на овчине и, выйдя из юрты, повесил на колышке перед входом высохшую голову козла с огромными рогами; затем, опустив войлочную занавесь юрты, сказал, что теперь ни один человек не отважится входить в юрту, так как голова козла была знаком, что он был «за работой».

После этого, сунув руку за пазуху, он вытащил оттуда камешек размером с грецкий орех и, осторожно развернув его, поспешил, как показалось, проглотить. Через несколько мгновений его конечности застыли, тело стало негибким, и он упал, холодный и бездвижный, как труп. Если бы не легкое подергивание его губ при каждом задаваемом вопросе, то эта сцена была бы странной, даже страшной. Солнце заходило, и если бы не было тлеющих угольков посреди юрты, полный мрак прибавился бы к угнетающей тишине, царствовавшей кругом. Нам приходилось жить в прериях Запада и бескрайних степях Южной России, но ничто не может сравниться с тишиной при солнечном заходе над песчаными пустынями Монголии, даже обнаженное безлюдье пустынь Африки, хотя первые частично обитаемы, а последние совершенно лишены признаков жизни. И вот автор этих строк была наедине с тем, что выглядело ничуть не лучше трупа, лежащего на земле. К счастью, это состояние длилось недолго.

«Маханду! – произнес голос, который, казалось, исходил из самых недр земли, на который был простерт шаман. – Да будет вам мир… Что бы вы хотели, чтобы я для вас сделал?»

Каким бы поразительным ни был этот факт, мы были вполне подготовлены к нему, так как мы до этого видели, как другие шаманы проходят через подобные представления. «Кто бы ты ни был, – произнесли мы ментально, – иди к К. и постарайся направить *мысль* этой особы сюда. Посмотри, что она делает и скажи ***, чем мы занимаемся и где находимся».

«Я уже там, – ответил тот же самый голос. – Старая барыня (cucoana)[148] сидит в саду… она надевает очки и читает письмо».

«Содержание письма – поскорей!» – приказали мы, разыскивая записную книжку и карандаш. Содержание диктовалось медленно, как будто во время диктовки невидимое присутствие хотело дать нам больше времени для записи слов фонетически, так как мы опознали валашский язык и только, ибо тем наше знание этого языка кончалось. Целая страница была заполнена таким образом.

«Смотри на запад… в сторону третьей жерди юрты, – произнес татарин своим естественным голосом, хотя он звучал глухо и шел как бы издали. – Ее *мысль* здесь».

Затем судорожным рывком верхняя половина тела шамана, казалось, приподнялась и его голова тяжело упала на ноги автора, которые он обхватил обеими руками. Положение становилось все менее и менее привлекательным, но любопытство оказалось хорошим союзником храбрости. В западном углу стояла как живая, но трепещущая, неустойчивая, туманная фигура дорогого мне старого друга, румынской леди из Валахии, мистика по своим склонностям, но совершенно неверующего в такого рода оккультные феномены.

«Ее мысль здесь, но ее тело лежит без сознания. Мы не могли доставить ее сюда иначе», – сказал голос.

Мы обратились к этому привидению и умоляли ответить, но всё понапрасну. Черты лица двигались, фигура жестикулировала как бы в страхе и агонии, но ни один звук не слетел с призрачных уст; только нам казалось, – возможно, что это была наша собственная фантазия, – что как будто откуда-то издалека к нам донеслись румынские слова: *«Non se poate»* («Это невозможно»).

В течение более чем двух часов нам были даны наиболее обстоятельные, недвусмысленные доказательства, что астральная душа шамана путешествовала по велению наших невысказанных словами желаний. Десять месяцев спустя мы получили письмо от нашего валахского друга в ответ на наше, в которое мы вложили страницу из нашей записной книжки, осведомляясь у нее, что она

---

[*] jedker.

[148] «Леди» или «мадам» по-молдавски. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

делала в тот день, описывая при этом полностью всю сцену. Она писала, что в то утро[149] она сидела в саду, прозаически занятая варкой варенья; письмо, посланное ей, было копией, слово в слово, письма, полученного ею от брата; и тут же сразу – вследствие жары, как она думала, – она упала в обморок и четко запомнила, что она *видела во сне* автора этих строк в пустынной местности, которую она подробно описала, сидящей «под цыганской палаткой», как она выразилась. «Поэтому, – добавила она, – я больше сомневаться не могу».

Но наш эксперимент был подтвержден еще лучше. Мы направили внутреннее *ego* шамана к тому самому другу, которого уже упомянули в настоящей главе, качи из Лхасы, который постоянно путешествует в Британскую Индию и обратно. *Мы знаем,* что он был оповещен о нашем критическом положении в пустыне, так как спустя несколько часов пришла помощь, и мы были спасены отрядом из двадцати пяти всадников, которые были направлены их главой, чтобы отыскать нас в том месте, где мы находились, которого ни один человек, обладающий обычными силами, не мог бы узнать. Главой этого эскорта был шаберон, «адепт», которого мы ни до, ни после этого никогда не видели, ибо он никогда не покидал своего *sauma'â* (ламасерия)[150], и туда нам доступа не было. Но *он был личный друг качи*.

Разумеется, вышесказанное не вызовет у обычного читателя ничего другого, кроме недоверия. Но мы пишем для тех, кто поверят; кто, подобно автору, понимают и знают неограниченные силы и возможности человеческой астральной души. В этом случае мы охотно верим, даже *знаем,* что «духовный двойник» шамана не действовал в одиночку, так как он был не адептом, но просто медиумом. По его собственному излюбленному выражению, как только он положил камень в рот, «появился его отец, вытащил его из кожи и брал его всюду, куда бы он ни захотел», и по его приказу.

Тот, кому приходилось видеть только химические, оптические, механические и совершаемые ловкостью рук трюки европейских фокусников, просто не готов к тому, чтобы без удивления смотреть на представления под открытым небом без всякой подготовки индусских фокусников, не говоря уже о факирах. Мы не говорим о показе обманчивого проворства рук, ибо в этом отношении Уден и другие намного превосходят их; также мы не будем касаться случаев, допускающих сообщничество, либо предусмотренное, либо иное. Бесспорно, что неопытные путешественники, в особенности люди с воображением, преувеличивают чрезмерно. Но наше замечание относится к тому классу феноменов, который невозможно объяснить никакими общеизвестными гипотезами. «Я видел, – рассказывает один джентльмен, живший в Индии, – как человек бросил в воздух ряд шаров, перенумерованных последовательно от единицы и далее. Когда каждый из них уходил вверх, – что они уходили вверх, тут не было никакого обмана, – можно было ясно видеть, как он становился все меньше и меньше, пока не исчезал окончательно. Когда все они были в воздухе, числом двадцать или более, фокусник любезно спросил, который шар вы хотели бы увидеть, и после этого выкрикивал: "№1", "№15" и так далее в соответствии с желанием зрителей, и после этого названный шар с большой силой откуда-то издалека падал у его ног… Эти люди очень скудно одеты и, несомненно, не имеют никакой аппаратуры. Затем я видел как они проглатывали три различного цвета порошка, а затем, откинув назад голову, запивали их водой по туземной манере длинной струей из *lotah*[151], или медного чайника, который они держали на вытянутую руку ото рта, и продолжали пить, пока вздувшееся тело было не в состоянии принять ни капли, и вода проливалась с уст. Затем эти люди, после того как струей выпустили эту воду обратно, выплюнули на чистый кусок бумаги эти три порошка сухими и неперемешавшимися»[152].

---

[149] Бухарестский час совпадал полностью с часом той страны, где происходила сцена. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[150] «Sauma'â – монастырь» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 1425).

[151] «Lotā – небольшой металлический горшок, как правило, из латуни (меди) или луженого железа» (*Shakespear J.* A Dictionary, Hindūstānī and English. London, 1849. P. 1799).

[152] Капитан У.Л.Д.О'Грейди «Жизнь в Индии». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Hadji Nicka Bauker Khan.* Indian Sketches; or Rubs of a Rolling Stone. Life of the East // Commercial Bulletin, April 14, 1877.

В этом материале О'Грейди упоминает Е.П.Блаватскую по поводу термина «левитация».

В восточной части Турции и Персии с незапамятных времен обитают воинственные племена Курдистана. Этот народ, будучи чисто индоевропейского происхождения без капли примеси семитской крови (хотя некоторые этнологи, кажется, думают иначе), несмотря на свои разбойничьи наклонности, объединяет в себе мистицизм индусов и практику ассиро-халдейских магов, обширными областями территории которых они завладели и не отдадут их ни в угоду туркам, ни в угоду даже всей Европе[153]. Хотя, номинально, они – магометане секты Умара, их обряды и верования чисто магические и волшебные. Даже те, кто называются христианами-несторианцами – христиане только по названию. Калдани[154], которых насчитывается почти 100000 человек, вместе с двумя своими патриархами[155], несомненно, скорее манихеи, нежели несториане. Многие из них – езиды.

Одно из этих племен отмечено своей приверженностью к культу огня. При восходе и заходе солнца всадники слезают с коней и, повернувшись к солнцу, бормочут молитву, а при каждом новолунии совершают таинственные обряды, длящиеся всю ночь. Для этой цели у них поставлена особая палатка, и ее толстая черная шерстяная материя украшена вещими знаками ярко-красного и желтого цветов. В центре помещается что-то вроде алтаря, охваченного тремя медными обручами, к которым на веревках из верблюжьей шерсти подвешены многочисленные кольца, которые каждый поклоняющийся во время церемонии держит правой рукой. На алтаре горит любопытная старомодная серебряная лампа – реликвия, найденная, возможно, в развалинах Персеполиса[156]. Эта лампа с тремя фитилями представляет собой продолговатую чашку с ручкой и, очевидно, принадлежит к классу египетских погребальных ламп, которые когда-то, если мы можем верить Кирхеру, в изобилии находили в подземных пещерах Мемфиса[157]. Она расширяется с конца к середине, и ее верхняя часть имеет форму сердца; щели для фитилей образуют треугольник, а центр ее покрыт опрокинутым гелиотропом, прикрепленным к изящно вырезанному стеблю, начинающемуся из ручки лампы. Это украшение ясно говорит о ее происхождении. Это был один из священных сосудов, употреблявшихся в культе Солнца. Греки дали *гелиотропу* его имя из-за его странного свойства всегда наклоняться в сторону солнца. Маги древности пользовались ею в своих поклонениях; и кто знает, не совершал ли Дарий таинственных обрядов, при которых лицо царя-иерофанта было озарено тройным светом!

Если мы вообще упоминаем эту лампу, то потому, что с ней связана одна странная история. Что делают курды во время своих ночных обрядов поклонения Луне, мы знаем только понаслышке, так как они это тщательно скрывают, и ни один чужестранец не может быть допущен к этим церемониям. Но в каждом племени есть старик, иногда их несколько, которые рассматриваются как «святые существа», кто знает прошлое и может рассказать тайны будущего. Их очень уважают и обычно обращаются к ним за сведениями в случаях краж, убийств или опасности.

Путешествуя от одного племени к другому, мы провели некоторое время в компании этих курдов. Так как мы не собираемся писать автобиографию, то мы пропускаем все подробности, не имеющие непосредственного отношения к какому-либо оккультному факту, и даже из этих подробностей помещаем лишь несколько. Мы просто скажем, что очень дорогое седло, ковер, два черкесских кинжала, богато оправленных и окованных золотом, были выкрадены из палатки, и курды во главе с вождем племени пришли к нам и поклялись, призывая Аллаха в свидетели, что этот вор не мог принадлежать к их племени. Мы поверили этому, так как это был беспрецедентный случай среди этих кочевых племен Азии, славившихся своим отношением к

---

[153] Ни России, ни Англии не удалось в 1849 году заставить их признать и уважать турецкую часть персидской территории. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[154] Местное наименование ассирийцев-халдеев. По всей видимости, слово «калдани» (Kaldani) – видоизмененное от слова «халдеи» (*аккад.* māt Kaldu, *ивр.* כַּשְׂדִּים – Касдим, *греч.* Χαλδαίοι).

[155] См.: Koordistan // The New American Cyclopædia. Vol. X. New York, 1861. P. 204.

[156] Персеполис – это персидский Истахр, к северо-востоку от Шираза; он стоял на равнине, называемой теперь Мервдешт, при слиянии древнего Медуса и Аракса, теперь Пулвар* и Бендемир. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Польвар.

[157] «Иероглифический театр Эдипа Египетского», с. 544. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: *Kircheri A.* Oedipi Ægyptiaci Theatrum Hierogliphicum. T. III. Romae, 1654. P. 544.

Цит. по: *Greenhill T.* NEKPOKHΔEIA: Or, the Art of Embalming. London, 1705. P. 333.

гостю как к чему-то священному, как и, однако, легкостью, с какой они грабят и иногда убивают его, как только он переходит границы их *аула*.

Один грузин, принадлежавший к нашему каравану, посоветовал обратиться за помощью к *кудиану* (колдуну)[158] их племени. Это было устроено с большой секретностью и торжественностью, и наше собеседование было назначено на полночь, когда будет светить полная Луна. В назначенный час нас провели в вышеописанную палатку.

В куполообразной крыше палатки была проделана большая дыра, или квадратная щель, и через нее вертикально лились в палатку лунные лучи, смешиваясь с колеблющимся тройным пламенем небольшой лампы. После нескольких минут заклинаний, обращенных, как нам показалось к Луне, колдун, старик огромного роста, пирамидальный тюрбан которого касался потолка палатки, вынул круглое зеркало того рода, которые известны под названием «персидских зеркал». Отвинтив его крышку, он дышал на зеркало более десяти минут и стирал влагу с поверхности пучком трав, всё время бормоча заклинания *sotto voce*[159]. После каждого обтирания стекло становилось всё более и более сверкающим, пока наконец его хрусталь, казалось, не стал излучать сверкающие фосфорические лучи по всем направлениям. Наконец эта операция была закончена; старик с зеркалом в руке стал бездвижным, словно статуя. «Смотри, ханум… смотри пристально», – шептал он, едва двигая губами. Тени и темные пятна начали собираться там, где за минуту до этого не отражалось ничего, кроме сияющего лика полной Луны. Еще несколько секунд, и там показалось хорошо знакомое седло, ковер и кинжалы, которые, казалось, поднимались как бы из глубины ясной воды, с каждым мгновением становясь всё более четко очерченными. Затем появилась еще более темная тень, витающая над этими предметами, которая постепенно уплотнилась, и затем, видимая так же, как в меньшем конце телескопа, во весь рост появилась фигура мужчины, припавшего над ними.

«Я знаю его! – воскликнула пишущая эти строки. – Это татарин, который приходил вчера вечером и предлагал продать своего мула».

Изображение исчезло как бы по мановению волшебной палочки. Старик утвердительно кивнул головой, но остался бездвижным. Затем он забормотал опять какие-то странные слова и вдруг запел. Мелодия была медленная и монотонная, но после того как он пропел несколько строф на том же самом незнакомом языке, не меняя ни ритма, ни мелодии, он произнес *речитативом* на своем ломанном русском языке следующие слова:

«Теперь, ханум, смотри хорошенько, поймаем мы его или нет – судьбу этого вора мы узнаем этой ночью», и т.д.

Те же самые тени начали сгущаться, и затем, почти без перехода, мы увидели этого мужчину, лежащего на спине в луже крови поперек седла, и вдалеке двух всадников, удаляющихся полным галопом. Охваченная ужасом и отвращением при виде этой картины, я не хотела дальше смотреть. Старик, выйдя из палатки, позвал нескольких курдов, стоящих около палатки, и, как казалось, давал им указания. Спустя две минуты дюжина всадников полным галопом помчалась с горного склона, на котором находился наш лагерь. Рано утром они возвратились с утерянными вещами.

Все седло было покрыто свернувшейся кровью, и, разумеется, мы оставили его им. Они рассказали, что, приближаясь к беглецу, они увидели на гребне отдаленного холма двух удаляющихся всадников и, подъехав, нашли этого татарина-вора мертвым на украденных им вещах – в точности так, как мы видели его в магическом зеркале. Он был убит двумя бандитами, и их несомненное намерение ограбить его было пресечено внезапным появлением отряда всадников, посланных старым кудианом.

Наиболее замечательные результаты достигаются восточными «мудрецами» простым актом дыхания на человека, либо с доброй, либо со злой целью. Это чистый месмеризм, а среди персидских дервишей, которые этим занимаются, животный магнетизм усиливается магнетизмом стихий. Они думают, что если кто-либо стоит лицом против ветра, то он подвергает себя опасности; и многих из этих «сведущих» в оккультных делах невозможно уговорить пойти во

[158] хвостатый человек, от *груз.* k'udi – хвост.
[159] вполголоса (*итал.*).

время захода солнца против ветра. Мы знавали одного старого перса из Баку[160] на Каспийском море, который обладал самой незавидной репутацией умельца *наводить чары* с помощью ветра, который очень часто дует в том городе, как показывает само его персидское название[161]. Если жертве, против которого возгорелся гнев этого старого черта, пришлось идти против этого ветра, то он появлялся как бы по мановению волшебной палочки, быстро переходил через дорогу и дышал ей в лицо. С этого момента всякие несчастья преследовали последнюю – она находилась во власти чар «дурного глаза».

Применение колдунами человеческого дыхания в качестве дополнительного средства для достижения своих гнусных целей поразительно отображено в нескольких ужасных случаях, отмеченных во французских летописях – в особенности с несколькими католическими священниками. В сущности этого вида колдовство было известно со времен глубочайшей древности. Император Константин (в уставе IV *О колдунах* и т.д.[162])[163] предписал суровейшие наказания для тех, кто прибегает к колдовству, чтобы посягать на невинность и возбудить незаконную страсть. Августин (*О граде Божьем*) предостерегает против него; Иероним, Григорий Назианзин и многие другие церковные авторитеты осуждают это преступление, нередкое среди духовенства. Бассе (кн. V, раздел 19, гл. 6) излагает дело кюре из Паэзаны, который посредством колдовства обесчестил весьма уважаемую и добродетельную леди, свою прихожанку, dame du lieu[164], за что был сожжен заживо по приговору парламента Гренобля[165]. В 1611 году священник по имени Гауфриди был сожжен по приговору парламента Прованса за совращение в исповедальне кающейся Мадлен де ла Палю, *на которую он дышал* и таким образом погружал ее в состояние иступленной грешной любви к нему[166].

Вышеупомянутые случаи цитируются в официальном докладе по нашумевшему делу отца Жирара, иезуита-священника[167], пользовавшегося большим влиянием, которого в 1731 году судил парламент Экса (Франция) за совращение своей прихожанки мадемуазель Катрин Кадьер[168] из Тулона и за другие возмутительные преступления, связанные с тем же. Обвинительный акт ставил ему в вину то, что преступление это было совершено с помощью колдовства. Мадемуазель Кадьер была молодой леди, отличавшейся красотой, набожностью и образцовыми добродетелями. Ее внимание к своим религиозным обязанностям было исключительно строгим, и это послужило причиной ее гибели. На нее пали взоры отца Жирара, и он начал интриговать с целью обесчестить ее. Завоевав своей напускной великой святостью доверие девушки и ее семьи, однажды он нашел предлог для того, чтобы дышать на нее. Девушка сразу была охвачена сильной страстью к нему. Кроме того, у нее бывали экстатические видения религиозного характера, стигматы, или знаки крови «Страстей», и истерические конвульсии. Тут представилась долгожданная возможность уединиться с ней на исповедь; иезуит опять дышал на нее, и прежде чем бедная девушка успела

---

[160] Мы дважды участвовали в странных обрядах остатков этой секты огнепоклонников, которых называют гебрами и которые время от времени собираются в Баку на «поле огня». Этот древний и таинственный город расположен у Каспийского моря. Он принадлежит Российской Грузии. Приблизительно на расстоянии двенадцати миль к северо-востоку от Баку находятся руины древнего храма гебров, состоящего из четырех колонн; из пустых отверстий этих колонн постоянно бьют струи пламени, что и дало ему имя Храма Негасимого Пламени. Весь этот район покрыт озерами и источниками нефти. Паломники собираются тут из далеких мест Азии, и некоторые племена, рассеянные то здесь, то по всей стране, имеют священнослужителей, поклоняющихся божественному началу огня[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: *Желиховская В.П.* У вечных огней. Тифлис, 1879.

[161] Baadéy-ku-Ba – в буквальном переводе «скопление ветров»[*]. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] Баку – от *перс.* Bādkube, «обдуваемый ветром».

[162] «De maleficis et mathematicis et ceteris similibus» («О колдунах, математиках и им подобных»).

[163] Кодекс Юстиниана, IX, XVIII.4.

[164] даму этого места (*фр.*).

[165] См.: Plaidoyez de Maistre Jean Guy Basset advocat consistorial au Parlement de Grenoble. Partie II. Grenoble, 1668. P. 108–109 (Адвокат мэтр Жан-Ги Бассе, адвокат консистории в парламенте Гренобля. Часть II. Гренобль, 1668. P. 108–109).

Жан-Ги Бассе (1598–1686?) – юрист парламента Дофине (Гренобль).

[166] См.: *Lévi É.* Histoire de la magie. Paris, 1860. P. 378–380.

[167] Жан-Батист Жирар (1680–1733) – французский священник-иезуит, осужденный за колдовство, оскорбления и развращение Катрин Кадьер. Жирар и Кадьер были оправданы решением суда 10 октября 1731 г.

[168] Мари Катрин Кадьер (1709–?).

опомниться, он свою цель осуществил. Софистикой и разжиганием ее религиозности он поддерживал эту противозаконную связь месяцами, причем девушка не подозревала, что тут что-то неладно. Наконец, однако, глаза ее открылись, родители были поставлены в известность, и священник был привлечен к суду. Приговор был вынесен 12 октября 1731 года. Из двадцати пяти судей двенадцать голосовали за то, чтобы сжечь его на костре. Общество Иисуса пустило в ход все силы, чтобы защитить преступного священника, и говорят, что было потрачено более миллиона франков, чтобы заткнуть рот свидетелям на суде. Факты эти, однако, были напечатаны в книге (в пяти томах большого печатного листа), ставшей теперь редкостью, под заглавием *Recueil General des Pieces contenues au Procez du Pure Jean-Baptiste Girard, Jesuite*[169] и т.д.[170]

Мы отметили то обстоятельство, что, находясь под колдовским влиянием отца Жирара и имея с ним противозаконную связь, мадемуазель Кадьер носила *стигматы Страстей*: то есть кровоточащие раны на лбу от тернового венца и от гвоздей на руках и на ногах, а также рану от копья на боку. Следует добавить, что такие же знаки видели на телах шести других исповедниц этого священника, а именно у мадам Гийоль, Ложье, Гравье, Аллеманд, Баттарель и Ребуль[171]. Фактически стало общей приметой, что красивые прихожанки отца Жирара были странно подвержены экстазам и *стигматам*! Добавим к этому тот факт, что в вышеупомянутом деле отца Гауфриди, по свидетельству хирургов, такие же стигматы оказались на теле мадемуазель де Палю, и мы будем иметь что-то стоящее внимания всех (в особенности спиритуалистов), которые думают, что *стигматы* создаются чистыми духами. Исключив вмешательство дьявола, которого мы уже отправили на покой в другой главе, католикам трудно придется, мы полагаем, несмотря на всю свою непогрешимость, отличить стигматы колдунов от стигматов, получившихся в результате вмешательства Святого Духа или Ангелов. Церковные летописи изобилуют примерами якобы дьявольских имитаций этих знаков святости, но, как мы уже сказали, с дьяволом уже покончено.

Будет вполне естественно, если те, кто до сих пор следовали за нами, зададут нам вопрос – какую практическую цель преследует настоящая книга; так много сказано о магии и ее мощи, так много – о невероятной древности ее применения. Желаем ли мы заявить, что оккультные науки следует изучать и применять по всему миру? Хотим ли мы заменить современный спиритуализм древней магией? Ни то, ни другое; такую замену невозможно осуществить, так же как и всемирно проводить такое изучение, не навлекая при этом громадной общественной опасности. В настоящий момент один известный спиритуалист и лектор по месмеризму находится в заключении по обвинению в изнасиловании женщины, которую он загипнотизировал. Колдун – враг народа, а месмеризм очень легко может превратиться в худший вид колдовства.

Мы не хотели бы ни ученых, ни богословов, ни спиритуалистов превращать в практикующих магов, но хотели бы уяснить для всех, что до наступления нынешней современной эры существовала истинная наука, глубокая религия и неподдельные феномены. Мы хотели бы, чтобы все, кто имеют право голоса при решении вопросов общественного воспитания, сперва познали, а затем *учили*, что вернейшим руководством к человеческому счастью и просвещению являются те письменные источники, которые дошли до нас из отдаленнейшей древности; и что наиболее благородные духовные устремления и повышенная обычная нравственность преобладают в странах, где народ пользуется их наставлениями как правилами поведения в жизни. Мы хотели бы, чтобы все поняли, что магические, то есть духовные силы существуют в каждом человеке, и

---

[169] См.: Recueil general des pièces contenues au procez Du Pere Jean-Baptiste Girard, Jesuite, Recteur du Seminaire Royal de la Marine de Toulon et de Demoiselle Cathèrine Cadiere, Querellante. T. I–V. Aix, 1731 (Общее собрание документов судебного процесса над отцом Жаном-Батистом Жираром, иезуитом, ректором Королевской военно-морской семинарии Тулона, и девицей Катрин Кадьер, истцом. Т. I–V. Экс, 1731).

[170] См. также «Магия и месмеризм»[*], роман, переизданный Харперами[**] тридцать лет тому назад. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[*] См.: Magic and Mesmerism: An Episode of the Eighteenth Century, and Other Tales. Vol. I. London: Saunders and Otley, 1843 (Магия и месмеризм: эпизод восемнадцатого века и другие рассказы. Т. I. Лондон: Сондерс и Отли, 1843).

[**] Джеймс Харпер (1795–1869) – американский издатель и политик. Вместе со своим братом Джоном основал издательскую компанию «J. & J. Harper» в 1817 г. Он включил своих братьев Джозефа и Флетчера в компанию в 1825 г, изменив ее название на «Harper & Brothers».

[171] См.: Recueil general des pièces contenues au procez Du Pere Jean-Baptiste Girard, Jesuite, Recteur du Seminaire Royal de la Marine de Toulon et de Demoiselle Cathèrine Cadiere, Querellante. T. I. Aix, 1731. P. 99.

пользоваться ими могут те немногие, которые чувствуют, что они призваны учить, и готовы заплатить цену самодисциплины и самоотверженности, которую требует их развитие.

Много появлялось людей, которые ухватывали проблески истины и воображали, что они овладели всей истиной. Такие люди терпели неудачу в достижении того блага, которое они могли бы сотворить и к которому они стремились, потому что тщеславие заставляло их выдвигать свою личность на такие незаслуженные высоты, что она становилась между их приверженцами и *всей* истиной, находящейся позади. Мир не нуждается ни в каких сектантских церквях, будь то церковь Будды, Иисуса, Магомета, Сведенборга, Кальвина или какая-либо другая. Так как существует только **одна** Истина, то человеку требуется только одна церковь – Храм Бога внутри нас, обнесенный стенами материи, но доступный для каждого, кто может отыскать путь; *чистые сердцем зрят Бога*[172].

Тройственность природы является замком магии, тройственность человека – ключом, который к ней подходит. В торжественных пределах святилища у **Высочайшего** не было и нет имени. Оно немыслимо и несказуемо, но все же каждый человек находит в себе самом своего Бога. «Кто ты, прекрасное Существо? – спрашивает в *Хорде Авесте*[173] развоплощенная душа у врат рая. – Я, о Душа, *твои добрые и чистые мысли*, твои деяния и твой *благой закон*… твой Ангел… и твой Бог»[174]. Затем человек, или душа, воссоединяется **с самим собой**, так как «Сын Божий» и он сам – одно; это его собственный посредник, *Бог* его человеческой души и его «Оправдыватель». *«Бог не открывается человеку непосредственно, Дух является его истолкователем»,* – говорит Платон в *Пире*[175].

Кроме того, существует много серьезных причин, почему изучение магии, за исключением ее обширной философии, почти неприменимо в Европе и Америке. Магия, будучи тем, что она собой представляет, – наиболее трудная из всех наук для экспериментального овладения; овладение ею практически находится за пределами достижения большинства белокожих народов, независимо от того, приложены ли их усилия у себя на родине или на Востоке. Вероятно, не более как один человек из миллиона людей европейской крови годится – физически, нравственно либо психически, – чтобы стать практикующим магом, и даже один из десяти миллионов не окажется наделенным всеми этими тремя свойствами, необходимыми для этого труда. Цивилизованным народам не хватает феноменальной выносливости, как ментальной, так и физической, жителей Востока; благоприятные органические черты характера восточников полностью отсутствуют у них. У индусов, арабов и тибетцев интуитивное восприятие возможностей оккультных сил природы, подчиненных воле человека, приходит по наследству, и у них как физические, так и духовные чувства развиты гораздо более тонко, чем в расах Запада. Несмотря на заметную разницу в толщине черепов европейца и южного индуса, эта разница, которая является чисто климатическим результатом, вызванным интенсивностью солнечных лучей, не заключает в себе никаких психологических принципов. Кроме того, возникли бы огромные затруднения на пути *тренировки*, если так можно выразиться. Зараженные веками догматического суеверия, неискоренимым – хотя и ничем не оправданным – чувством превосходства над теми, кого англичане презрительно называют «неграми», белые европейцы едва ли подчинятся практическому обучения копта, брамина или ламы. Чтобы стать неофитом, нужно быть готовым

---

[172] См.: Мф. 5, 8.

[173] Хорде Авеста (малая Авеста) – одна из частей Авесты, содержащая зороастрийские молитвы.

[174] Avesta die heiligen Schriften der Parsen. B. III. Leipzig, 1863. S. 188.

Цит. по: *Michelet J.* The Bible of Humanity. New York, 1877. P. 66 (*Мишле Ж.* Библия человечества. Нью-Йорк, 1877. С. 66).

[175] См.: «…Все гении представляют собой нечто среднее между Богом и смертным.

– Каково же их назначение? – спросил я.

– Быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказы богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью. Благодаря им возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству. Не соприкасаясь с людьми, боги общаются и беседуют с ними только через посредство гениев – и наяву и во сне. И кто сведущ в подобных делах, тот человек божественный, а сведущий во всем прочем, будь то какое-либо искусство или ремесло, просто ремесленник. Гении эти многочисленны и разнообразны…» (*Платон.* Пир, 202d–203a).

всей душой и телом отдаться изучению мистических наук. Магия – наиболее властолюбивая хозяйка – не терпит соперниц. В отличие от других наук, теоретическое знание формул без ментальных способностей или душевных сил, совершенно бесполезно в магии. Дух должен удержать в полном подчинении воинственность того, что неточно названо образованным рассудком, до тех пор, пока факты не опрокинут холодную человеческую софистику.

Наиболее подготовленными по достоинству оценить оккультизм являются спиритуалисты, хотя вследствие своего предрассудка они до нынешнего дня были величайшими противниками ознакомления с ним общественности. Вопреки всем глупым отрицаниям и осуждениям, их феномены подлинные. Вопреки также их собственным заявлениям, они совершенно неправильно понимают их. Абсолютно несостоятельная теория о постоянном участии развоплощенных человеческих духов в их производстве явилась губительным несчастьем их *дела*. Тысяча убийственных опровержений не была в состоянии раскрыть истину их уму или интуиции. Игнорируя учения прошлого, они не нашли им никакой замены. Мы предлагаем им философскую дедукцию вместо непроверяемых гипотез, научный анализ и доказательства – вместо неразбирающейся веры. Оккультная философия дает им средства для удовлетворения разумных требований науки и освобождает их от унизительной необходимости принимать оракулоподобные наставления от «разумов», которые, как правило, менее разумны, чем школьник. Утвердившись и усилившись таким образом, современные феномены были бы в состоянии привлечь должное внимание и добиться уважения тех, кто направляет общественное мнение. Не призвав такой помощи, спиритуализм должен будет прозябать, будучи в равной мере отвергаем – не без причины – как учеными, так и теологами. В своем современном виде он не представляет собой ни науки, ни религии, ни философии.

Несправедливы ли мы; будет ли разумный спиритуалист жаловаться, что мы неправильно изложили это дело? На что он может указать нам, как только на путаницу в теориях, смешения противоречивых гипотез? Может ли он утверждать, что спиритуализм, даже после тридцати лет феноменов, обладает какой-либо выдерживающей критику философией; более того – имеется ли что-либо похожее на установленный метод, общепринятый и применяемый его признанными последователями?

И все же, среди разбросанных по всему свету спиритуалистов имеется много вдумчивых ученых и серьезных писателей. Среди них есть люди, которые в добавление к своему научному ментальному обучению и обоснованной вере в феномены *per se* обладают всеми свойствами, требующимися от вождей движения. Почему так получилось, что за исключением написания отдельных книг или случайных статей в журналах все они воздерживаются от активного участия в выработке философской системы? Причина этого не в отсутствии нравственного мужества, как об этом свидетельствуют их писания. Также не в равнодушии, ибо энтузиазма у них достаточно, и они уверены в своих фактах. Также тут дело не в отсутствии способностей, ибо многие из них являются замечательными людьми и по своим способностям равны нашим лучшим умам. Это просто по той причине, что почти без исключения они смущены теми противоречиями, с которыми они встречаются, и ждут, чтобы их пробные гипотезы получили проверку в дальнейшем опыте. Несомненно, в этом есть доля мудрости. Также поступал Ньютон, который с героизмом своего честного, самоотверженного сердца в течение семнадцати лет воздерживался от провозглашения своей теории гравитации только потому, что сам еще не убедился в ней окончательно.

Спиритуализм, по характеру скорее агрессивный, нежели оборонительный, тяготеет к иконоборству и до сих пор был успешен. Но, разрушая, он не строит заново. Каждая действительно важная истина, которую он воздвигает, вскоре оказывается погребенной под лавиной химер, пока всё не становится одной грудой развалин. При каждом шаге вперед, при каждом обретении новой точки опоры в виде **факта** происходит какое-нибудь бедствие или в виде жульничества и его разоблачения, или умышленного предательства, которое отбрасывает спиритуалистов назад обессиленными, потому что они *не могут* и их невидимые друзья *не хотят* (или, возможно, могут менее их самих) обосновать свои претензии. Их фатальная слабость заключается в том, что у них имеется только *одна* теория для объяснения своих оспариваемых фактов – посредничество *человеческих развоплощенных духов* и полное подчинение им медиума.

Они будут атаковать тех, кто расходятся с ними во мнениях, с яростью, заслуживающей лучшего применения; они будут рассматривать каждый аргумент, противоречащий их теории, как клевету на их здравый смысл и способности наблюдательности и решительно откажутся даже вести спор по этому вопросу.

Как же тогда спиритуализм может когда-либо возвыситься до статуса науки? Это, как профессор Тиндаль показывает, требует трех совершенно необходимых элементов: наблюдения фактов; выведения законов из этих фактов; и проверки этих законов постоянными практическими опытами. Какой опытный наблюдатель возьмется утверждать, что спиритуализм обладает каким-либо из этих трех элементов? Медиум не окружен единообразными контрольными условиями настолько, чтобы мы могли быть уверены в фактах; выводы из предполагаемых фактов не гарантированы из-за отсутствия подобного контроля; и, в заключение, не было достаточной проверки этих гипотез опытом. Короче говоря, не хватало, как правило, главного элемента точности.

Чтобы нас не могли обвинить в желании неправильно представить положение спиритуализма на момент написания этих строк или в утаивании заслуг за действительно достигнутые успехи, – мы процитируем несколько отрывков из лондонского *Spiritualist* от 2 марта 1877 года. На собрании, происходящем каждые две недели, состоявшемся 19 февраля, возникли дебаты по теме «Древняя мысль и современный спиритуализм». Присутствовали некоторые из самых умных спиритуалистов Англии. Среди них был мистер У.Стейнтон Мозес, магистр искусств, который недавно уделил некоторое внимание связи между древними и современными феноменами. Он сказал: «Общераспространенный спиритуализм не является научным; он очень мало делает в смысле научной проверки. Кроме того, зкзотерический спиритуализм в значительной степени занимается предполагаемым общением с личными друзьями, или удовлетворением любопытства, или же просто развитием чудес… Истинно эзотерическая наука спиритуализма является большой редкостью и не более редка, чем ценна. В ней мы должны искать начало того знания, которое может быть разработано экзотерически… Мы слишком придерживаемся образа действия физиков; наши испытания грубы и часто иллюзорны; мы слишком мало знаем об протееобразной[176] силе Духа. В этом отношении древние далеко опередили и могут многому научить нас. Мы не ввели никакой определенности в условия – это непременное требование истинно научного эксперимента – большей частью из-за того, что наши кружки построены без соблюдения каких-либо принципов… Мы даже не овладели элементарными истинами, которые древние знали и по которым действовали, например, изоляция медиумов. Мы настолько увлеклись погоней за чудесами, что едва расположили феномены по категориям или выдвинули хоть одну теорию о производстве простейшего из них… Мы никогда не ставили вопроса: что есть разум? Это – большое пятно, наиболее частая причина заблуждений, и тут мы с успехом могли бы поучиться у древних. Среди спиритуалистов существует большое нежелание признать возможность истинности оккультизма. В этом отношении их так же трудно убедить, как и внешний мир, в истинности спиритуализма. Спиритуалисты начинают с заблуждения, а именно, что все феномены вызваны действием духов умерших людей; *они не заглянули в силы человеческого Духа*; они не знают тех пределов, до которых Дух действует, как далеко он простирается, чему он служит основой»[177].

Нашу точку зрения невозможно было бы лучше определить. Если спиритуализм имеет будущее, то оно в руках таких людей, как мистер Стейнтон Мозес.

Наш труд завершен – о если бы он был выполнен лучше! Но, несмотря на нашу неопытность в искусстве создания книг и серьезные затруднения при письме на чужом языке, мы надеемся, что нам удалось сказать нечто, что останется в умах вдумчивых людей. Все враги истины были перечислены и все они были рассмотрены. Современная наука, будучи не в силах удовлетворить устремления нашей расы, превращает будущее в пустоту и лишает человека надежды. В одном

[176] изменчивой.

[177] Transactions of the National Association of Spiritualists // The Spiritualist, March 2, 1877. P. 100 (Протоколы Национальной ассоциации спиритуалистов // The Spiritualist, 1877, 2 марта. С. 100).

смысле она подобна демону из «Baital Pachisi»[178], индусскому вампиру народной фантазии, который живет в мертвых телах и питается только гниением материи. Теология христианского мира была обнажена догола наиболее серьезными умами современности. И было обнаружено, что она в целом скорее разрушительна, нежели благоприятна для духовности и благонравственности. Вместо толкования правил божественного закона и справедливости она излагает только *себя саму*. Вместо вечно живого Божества она проповедует Злого Духа и делает его неотличимым от Самого Бога? «И не введи нас в искушение»[179], – вот желание христиан. А кто же этот искуситель? Сатана? Нет; эта молитва обращена не к нему. Это тот гений-покровитель, который ожесточил сердце фараона[180], вложил Злого Духа в Саула[181], засылал лживых посланцев к пророкам[182] и соблазнял Давида на грех[183]; это – библейский Бог Израиля!

Наш просмотр многочисленных религиозных верований, какие когда-либо исповедовало человечество как в древности, так и в последнее время, со всей убедительностью указывает, что все они возникли из одного первоисточника. Кажется, что все они являются просто различными видами выражения томления заключенной человеческой души по общению с Небесными Божественными Сферами. Как белый луч света разлагается призмой на различные цвета солнечного спектра, так же и луч Божественной Истины, проходя через *трехстороннюю* призму человеческой природы, преломился на разноцветные осколки, называемые **религиями**. И подобно тому, как лучи спектра неуловимыми оттенками сливаются один с другим, так и великие теологии, появившиеся на различных степенях отклонения от первоисточника, были соединены посредством меньших схизм, школ и ответвлений с той или другой стороны. Объединенные, в своей совокупности они представляют собой Единую Вечную Истину; по отдельности же они – только оттенки человеческих заблуждений и знаки несовершенства. Поклонение ведийским *питри* быстро становится поклонением духовной части человечества. Требуется лишь правильное восприятие объективного, чтобы в конце концов сделать открытие, что единственный реальный мир есть мир субъективный.

То, что презрительно называлось язычеством, было Древней Мудростью, насыщенной Божеством; и иудаизм и его ответвления, христианство и ислам заимствовали всё то вдохновенное, что в них было от этого этнического родителя. Доведийский брахманизм и буддхизм являются тем двойным источником, из которого возникли все религии; Нирвана есть тот океан, к которому все они устремляются.

В целях философского анализа нам нет надобности излагать все те гнусности, которыми омрачены летописи многих из мировых религий. Истинная вера есть воплощение божественного милосердия; те, кто служат у ее алтарей, – только люди. Когда мы перелистываем кровью залитые страницы церковной истории, то мы обнаруживаем, что независимо от героя и костюмов актеров сюжет трагедии всегда был одним и тем же. Но Вечная Ночь была во всем и за всем, и мы переходим от того, что мы видим, к тому, что невидимо глазу чувства. Нашим горячим желанием было показать правдивым душам, как они могут приподнять завесу и в сиянии этой Ночи, превращенной в День, смотреть неослепленным взором на **Разоблаченную Истину**.

---

[178] См.: The Baital-Pachisi: Or, The Twenty-five Stories of a Demon. Bombay, 1868 (Baital-pachisi: или двадцать пять сказок о демоне. Бомбей, 1868); Vikram and the Vampire: Or, Tales of Hindu Devilry. London, 1870 (Викрам или вампир, или рассказы об индуистской дьявольщине. Лондон, 1870).

«Двадцать пять рассказов Вета́лы», также «Ветала-панчавимшати» или «Веталапанчавимшати» – сборник индийских сказок на санскрите, популярный в Индии и проникший в разных обработках в литературу других народов; рассказы Веталы – демона, вселяющегося в тела умерших, который на кладбище темной ночью испытывает царя Викрамадитью, рассказывая ему сказки-загадки. Самая ранняя версия сборника датируется второй половиной I тыс. н.э. Сказки отличаются живостью восточного колорита и остроумием. Существует много обработок, из них лучшая – монгольский «Волшебный мертвец» или «Сидди-кюр» (санскритская siddhi – «удача», «счастье», «волшебная сила»), также «Шидит-хюр», популярный в Тибете и среди монгольских народов.

[179] Мф. 6, 13.

[180] Исх. 7.

[181] 1Цар., 16.

[182] 3Цар. 22, 22–23.

[183] 2Цар. 11; 12.